

382888

Н. Задумкин

Половодье

И. Задумкин

Половодье

7382888

Вологодское
книжное издательство
1959 г.

Анна - Каменщица

I

С того дня, когда на строительной площадке появилась Анна, жить мне стало как-то беспокойно. Я человек в летах, много перевидал на своем веку разного люду, но, скажу откровенно, такой неугомонной и надоедливой девчонки еще не знал.

Впервые я ее встретил в отделе кадров стройки. Вижу, перед столом Ивана Игнатьевича, нашего зав-

отдела, стоит шупленькая девчушка, в кирзовых сапогах, выдавшей вида телогрейке, на русых кудряшках каким-то чудом держится черный беретик с таким смешным хвостиком посередке. Нос немножечко пуговкой, по всему лицу веснушки раскиданы, а глаза веселые, озорные. Одним словом, обыкновенная девчушка, каких много на нашей славной вологодской земле.

Иван Игнатьевич тщательно изучил ее документы, сдвинул металлические очки на лоб, пошевелил седыми бровями и спросил:

— А скажите, Анна Бороздина, где это такой город Молога стоит, что вам удостоилось в нем родиться? Я что-то запамятовал.

— Нет теперь такого города, — вздохнула Анна Бороздина и задумалась.

— Понимаю, понимаю, — сочувственно закивал головой Иван Игнатьевич. — Был, так сказать, оккупирован, разрушен и...

— Ну, положим, оккупирован он и сейчас, а насчет разрушения вы неправы, товарищ, — в глазах девчушки мелькнула этакая бесовская смешинка.

В этих темных для уважаемого Ивана Игнатьевича ответах я сразу разобрался, но в разговор не вступил, думаю, как еще себя окажет эта незнакомка. А она, между тем, продолжала:

— Город мой пересвезли в другой город, а на том месте, где он стоял, сейчас плещется Рыбинское море.

— Ага, — начал выходить на истинную дорогу Иван Игнатьевич. — Так, так... Я вас слушаю.

— И было мне тогда ровно полтора года, — опять вздохнула Анна Бороздина.

— Так, так...

— Так, так, — вдруг озорно блеснула глазами девушка, а потом серьезно спросила: — Принимаете, аль нет?

— Разумеется, разумеется, — засуетился Иван Игнатьевич и тут увидел меня. — А, Федор Федорович, забирайте ее в свою бригаду. Знатнейшая, я вам скажу, каменщица.

Я усмехнулся про себя. Скажу откровенно, у меня сразу появилось об этой залетной птахе определенное мнение. Знаю по опыту, не все умеют работать руками так, как это делают языком. Возьмешь такую, а потом хлопот не оберешься. Забегая вперед, скажу, что так оно и произошло, только с небольшой разницей.

Нет, говорю, Иван Игнатьевич, у меня таких знатнейших каменщиц в полном достатке, согласно штатному расписанию.

— Бери, бери, — говорит он, усмехаясь, видимо, раскусив мою политику.

А Анна Бороздина подошла ко мне и, прищуриив глаза, в упор уставилась в лицо, словно выпытывала, что у меня на уме.

— Что ж, направлю к Петру Савельевичу, — спокойно сказал Иван Игнатьевич. — Тот, не в пример тебе, от каменщика пятого разряда не откажется.

— Стойте, стойте, — не выдержал я. — Не может того быть, что пятого... Этакая, я вам скажу...

Одним словом, специалисты по каменному делу да еще пятого разряда на улицах не валяются. А я, признаюсь, сначала схитрил, хотел отказаться от девушки, хотя рабочих на кладке стен и не хватало. Знаете, язык ее меня несколько смутил и, как бы точнее выразиться, неукротимый нрав.

— Вот и отлично, — говорит Иван Игнатьевич, заметив, что я согласен взять Анну Бороздину на свой участок. — Время сейчас вечернее, проводите, Федор Федорович, девушку в общежитие. Кстати, вам по пути.

Вышли мы из отдела кадров. Дорогой я спрашиваю, откуда, где работала, чья и т. п.

— Откуда, вы уже слышали, — улыбнулась она. — Последние четыре года жила, училась и работала в Ленинграде. Строила дома в Московском районе, в бригаде знаменитого каменщика Парамонова. Может, слышали что про Ивана Константиновича?

Я, признаться, не слыхивал о таком каменщике, но помалкиваю. Не будешь же перед первой встречной девчушкой свое невежество показывать. Домов, говорю, за свою жизнь и я столько понаставил, что на двадцать тысяч душ хватит.

— Как услышала, что в родных местах большая стройка началась, покой потеряла, — продолжала доверительно моя спутница. — Домой потянуло. Не отпускали долго. Но я настояла на своем. Ох, и здорово я тогда ругалась.

Произнеся последние слова, она звонко рассмеялась, вспомнив, видимо, как ее в Ленинграде рассчитывали.

— Здесь тоже так будете... э-э... увольняться? — не выдержал я.

— Что вы, я сюда насовсем, навсегда то есть, — серьезно ответила она.

— А скажите, уважаемая Анна Бороздина, сколько вам лет?

— Вам могу сообщить: двадцать первый.

Так вот, говорю, общежитие. В комнате номер

тринадцать свободная кровать есть, а завтра двадцать второе сентября и вы должны выйти на работу. В бригаду Фатеева. Не забудьте, говорю.

Фатеев — это моя фамилия.

II

На первых порах назначил я Анну Бороздину каменщицей-подручной. Для проверки. Покосилась она на меня, вздохнула, но не сказала слова. И приставил я ее, значит, в помощники к Михаилу Ляпину, этакому Ермаку Тимофеевичу.

Был, доложу вам, Ляпин неповоротливым, добродушным парнем лет двадцати пяти. Все очень сильные люди, заметьте, безобидные. Водилась за ним только слабость: любил в шашки играть. И пусть бы только в свободное время, в общежитии или там в клубе. Так нет. Даже на работе, в обеденный перерыв, прямо на лесах. Сжует, бывало, быстрехонько свой обед, достанет из кармана картонную в квадратиках доску и бречит костяными шашками в кармане: приглашает охотников. А таковых стало появляться в бригаде все больше и больше. Но Ляпин обыгрывал каждого. Пришел он к нам на стройку из пожарников. Ну, а пожарники, известно, по этим делам — непревзойденные мастера.

Так вот на второй или третий день произошел у Ляпина со своей подручной конфликт. Строили мы тогда дом. Третий этаж вели. Помню, я спустился вниз о растворе позаботиться. Слышу, крик, ругань наверху. Неладно, думаю. Прибегаю. Стоит моя новенькая напротив Ляпина, словно цыпленок напротив петуха, и честит его почем свет стоит. Глаза у нее острые, ко-

лючие, кулачишки в рукавицах сжатые. Ни дать, ни взять, сама злость в образе девичьем.

— В шашки резаться научился, а к своему кровному делу наплевательски относишься, — слышу я. — Что если тебе бросить в лицо пригоршню раствора да и пустить по улице. Каково людям будет на твою вывеску смотреть? Молчишь?

Ляпин, действительно, стоял перед нею, словно рот ему зашили. Только глаза сделал круглые.

— И откуда, скажите, взялась такая, — наконец, вымолвил он.

— Узнать бы, какой дурак тебе пятый разряд присвоил?.. Я бы третьего пожалела.

Чувствую, меня задело. И не рикошетом, а прямой наводкой.

— В чем дело? — спрашиваю. Спокойненько этак, хотя и поднялось во мне тогда нехорошее что-то.

— Федор Федорович, посмотрите, пожалуйста, стену, — вскинулась Анна Бороздина.

— Какую?

— Ту, что сложили.

Нагнулся я, окинул взглядом и ничего не заметил.

— Ну, какова?

Смотрю я в ее прищуренные глаза, но опять-таки ничего не понимаю.

— Знаете что, молодые люди, — говорю им, — не поднимайте рыночную перебранку и приступайте немедленно к работе. А стена, девонька, кирпичная, запомните, кирпичная.

— Трудненько, уважаемый Федор Федорович, определить, кирпичная ли она. Вы с улицы посмотрите на дело рук своих.

— Дельный совет, — на мое плечо сзади опустилась чья-то тяжелая рука.

Поворачиваюсь. Сергей Николаевич, наш прораб, собственной персоной. Стоит, смотрит этак испытующе, словно спрашивает: «Ну, что скажешь?». Потом переводит взгляд на Анну Бороздину.

— Как вас звать-величать, девушка?

— Анна-каменщица, — бойко ответила она. И хоть бы глазом перед начальством моргнула.

Сергей Николаевич приветливо улыбнулся ей и пригласил меня с улицы посмотреть «на дело рук своих».

Боже мой, какая неприглядная картина предстала перед моими глазами. Половина лицевой стены дома, где вел кладку Ляпин, вся закидана раствором, в безобразных подтеках. А ведь дом-то не предназначен под облицовку.

— Поняли, почему произошло? — спрашивает Сергей Николаевич.

Как мне, старому воробью, не знать. Все дело тут заключается в расстиле раствора под очередной ряд кирпичей. Его надо сначала класть в виде продолговатой грядки, а затем разравнивать в ленту. При этом раствор следует расстилать так, чтобы он не доходил до края ряда на два-три сантиметра. Ляпин же не соблюдал этих сантиметров. Вот и получилось, что кирпич при укладке выжал раствор, который и разползся по стене.

С тяжелым чувством поднялся я наверх. А тут Сергей Николаевич еще как бы придавил меня.

— Ну, Анна-каменщица, — сказал он, — покажи, как надо строить.

Та не заставила себя долго ждать. Схватила лопа-

ту-ковш и — раз-раз! — набросала на постель под верстовой ряд раствор. Разравнила его, крикнула: «кирпичи!» и пошла работа. Ловко получалось. Залюбовались мы.

— Какой у нее разряд?

— Вроде, пятый, — отвечаю.

— Не вроде, а точно. Видно по хватке. Нехорошо, Федор Федорович, специалистов на подноске кирпичей использовать. Не положено.

Покраснел я, как мальчишка. А виновник всего, Ляпин, стоит рядом, не сводит с Анны-каменщицы совиных глаз и как-то глупо улыбается.

III

С тех пор Анну Бороздину вся бригада заглазно стала звать Анной-Каменщицей. Вся, кроме, кажется, Ляпина. Чем-то этаким, доложу вам, пленила она нашего Ермака Тимофеевича... Уж не тем ли, что крепко однажды его пристыдила. Девчата к Анне просто липнуть стали. Да и она, надо сказать, каждую из них защищать от несправедливости готова. А их в бригаде стало уже одиннадцать. Жили они в двух комнатах общежития — в двенадцатой и тринадцатой.

Признаться, я редковато заходил к своим рабочим. Знал, общежитие — хорошее, не жаловались. Но как-то в субботу заглянул. Смотрю, дверь тринадцатой комнаты открыта. Там сидит, не подумал бы, Ляпин. Гитару настраивает. Спрашиваю, где хозяева. А он вместо того, чтобы ответить, растопырил передо мной свою пятерню, шириной этак в два утяжеленных кирпича, приложился ухом к двугорбию музыкального ящика и шикнул: тише, мол.

Огляделся. Коечки заправлены честь-честью. Простынки белые — аж глазам больно. В углу, на тумбочке, радиоприемник «Рекорд». На дверях — расписание дежурств, внизу подпись: «Староста комнаты А. Бороздина». Ого, думаю, Анна-Каменщица уже успела тут власть забрать. Повторяю свой вопрос к Ляпину.

— Девчата-то? — безразлично повторяет он. — На улицу выбежали. Спутник там как раз над крышей пролетает.

Равнодушно этак отвечает, словно речь идет не о спутнике Земли, а о простой картофелине. Меня задело за живое его безразличие. А Ляпин, догадавшись, видимо, о моем настроении, добавил:

— Видел я и первый, и второй, и третий... Вот бы ракету посмотреть — другое дело. — И он ударил по струнам.

Комната наполнилась какими-то дребезжащими звуками. Настройка гитары Ляпину явно не удалась.

— Вот что, молодой человек, — говорю ему, — если еще в детстве медведь на ухо наступил, то нечего браться не за свое дело. Занялся бы чем-нибудь другим.

— Аня то же самое советует, — неожиданно признался Ляпин и вздохнул. — В шашки играть советует. В турнирах.

— Ну, а ты?

— Начал запись желающих.

«Молодец, — думаю, — Анна. Увальня Ляпина и того сумела расшевелить». Надо сказать, что в последнее время Михаил начал работать спорее. Анна-Каменщица расколола в нем ледок равнодушия. Парень зарабатывать стал больше, костюм новый спра-

вил, темно-синий в широкомерную полоску. Ну, а Анна, кстати сказать, просто превзошла себя. Недели две назад удумала она такую штуку: решила изменить конструкцию кельмы. Обратилась ко мне, так, мол, и так, чертеж подсунула. Глянул я на него и ахнул. Конеч так называемой комбинированной кельмы, этого основного инструмента каменщика, она предлагала сделать более узким и острым. Так вот, подсунула чертеж и смотрит на меня с ожиданием.

— Как же это так, — спрашиваю ее, — дедами избранный и испытанный веками мастерок переделывать? Ничего не выйдет да и не получится.

— Попробуем, — говорит она. — Во всем надо ставить опыты, экспериментировать, Федор Федорович.

Я, чтоб отвязаться от настырной девчонки, отдал слесарям одну кельму на переделку. Те быстрехонько ее оборудовали, согласно чертежа. И что же вы думали? Удивила всех Анна-Каменщица. Ее выработка уже через три дня возросла. Заинтересовались этим многие. Первыми, конечно, комсомольцы. Понаблюдали за ее работой, а потом попросили выступить на собрании. Она все честь-честью там выложила. Так, мол, и так, кельма в новом виде стала легче, удобней, способствует повышению производительности труда. Скоро привилось предложение Анны Бороздиной. Почти все каменщики на кельму ее конструкции перешли. Хотя не ахти какой она рационализатор, но сослужила службу нашему делу. Хлопот мне, конечно, было, но что же поделаешь — растут люди.

Обо всем этом я вспомнил, сидя в тринадцатой комнате общежития. Из задумчивости меня вывели девчата. Ввалились они с шумом, смехом, розовощекие, возбужденные.

— Федор Федорович, вот хорошо, что вы здесь, — закричала Анна Бороздина с порога. — Кстати зашли.

Опять, думаю, что-нибудь придумала. Тут Соня Кононова, лучшая подружка Анны, подает мне свеженький номер «Комсомольской правды». Беру, достаю очки. Читаю огромный заголовок о бригадах коммунистического труда.

Только через полчаса отложил я газету.

— Что ж, — гсворю, — дело затевается хорошее.

— Отличное, Федор Федорович, — поправляет Анна Бороздина. — Мы уже это обдумывали с комсомольцами сегодня.

О многом передумал и я в тот вечер. Вспомнил свою жизнь, первые тяжелые трудовые шаги еще в царское время, ударные стройки, на которых пришлось работать, хороших и разных людей, с которыми довелось встречаться... Потом мысль перекинулась на бригаду, Анну Бороздину, танцующую в этот час с подругами в клубе. «Ах, Анна, Анна, дорогая ты моя каменщица, — думалось мне, — не ты принесла на строительную площадку много беспокойства. Нет, не ты... Время сейчас такое — стремительное и хлопотливое».

Весной

I

От нашего дома к кузнице пролегает глубокая придорожная канава. Один край ее первым оголился от снега. Посмотрел я утром — вокруг бело, а бугор стоял. Не знал я, отчего это произошло. Подумал было, не ветер ли сдул с него снег, но вспомнил, что за последние пять дней вовсе не было ветра, и пошел в школу. Зато после уроков сразу прибежал на бугор. Приятно первый раз после зимы побегать. Земля так чу-

десно пахнет! Скорей бы дожить до того дня, когда мать не станет на тебя замахиваться за то, что босиком ходишь.

Но пока кругом был снег. Приходилось довольствоваться бугром. Скоро прибежал мой дружок Мишка. Он был старше меня на год: я учился в третьем классе, а он — в четвертом. Бегали, играли мы долго. Потом у нас покраснели ноги, и мы сели на прошлогоднюю траву. Обувались, слушая, как в кузнице били по железной наковальне два молота — большой и малый. Большой молот ухали гулко возвещал: «Весна! Весна!», а второй, малый, радостно откликался: «Знаю сам! Знаю сам!».

Радовались и мы с Мишкой наступлению долгожданной весны.

— А не знаешь ли, Валька, дадут нашей бригаде новую автомашину? — вдруг спросил Мишка.

Знаю я Мишкину политику. Шофер дядя Виктор давно обещал прокатить его на новой машине. Я хоть и слышал от матери, что к посевной пригонят еще один «газик», но молчу. Скажу «дадут», и Мишка начнет бахвалиться. Меня-то дядя Виктор не обещал показывать: я с ним мало знаком.

— Не знаю, как насчет машины, а вот трепку сегодня нам дадут, — говорю я, так как на высоком крыльце соседнего дома вижу Зозулиху, высокую одноглазую старуху, тощую, как баба-яга.

— Ах, вы, стервецы, в могилу захотели? — раздался ее пронзительный голос. — Вот я скажу матерям!.. Пошли домой!

Мы знали, что Зозулиха не любит слов на ветер бросать. Уж лучше бы она бросала свои слова куда угодно, только бы не ябедничала.

Вредная была Зозулиха. Один только дед Афоня знал, сколько ей лет: «Когда был еще я такой, — показывал он ладошкой чуть повыше стола, — Анна Зозулична уже в девках гуляла». Больше дед ничего не добавлял. Вот и гадали, сколько лет Зозулихе, если Афоне шел шестьдесят второй... Ну, да это неважно.

Зозулиха последние зимы не работала в колхозе. Ее почти никто в это время не видел на улице; говорили, что плетет кружева. Зато, как наступит весна, первая просится на огород. Нам от нее частенько попадало. Залезешь на крышу — увидит, пойдешь к лошадям — прогонит, начнешь рано купаться — наябедничает матери. Однажды мы с Мишкой забрались в чужой огород поглядеть, как яблоки растут, а Зозулиха говорит — крадем. Какая же тут кража, если мы только посмотреть пришли. Но она и слушать ничего не хотела. Ох, и жгучая крапива росла в этом огороде!.. Когда фельдшер Пров Иванович смазал нам кожу рыбьим жиром, то сказал: «Славно она вас выдубила». И такой вредной старухе доверяют выращивать овощи!

Доставалось от Зозулихи не только нам. Она никого не щадила. Вот и сейчас: едва мы успели юркнуть в калитку дома, как набросилась она на Тихона Петровича Помозова, председателя колхоза.

— А-а, пожаловал? — неласково встретила она Тихона Петровича. — Ну-ка, остановись...

— Здравствуй, Анна Зозулична, — сказал председатель. — В бригаду опять?

— Чего же в вашей бригаде-то делать? Перетягивать солнце с одного края неба на другой? Рамы у парников без стекол, навозу подвезли мало... Эх, вы, совести у вас нет...

«Совість» — любимое слово Зозулихи. Затем она кричала о каких-то горшочках, о том, что с осени мост через Дунайку не исправили и потому нельзя будет в разлив реки попасть на соседнее поле. «Вот вредная старушенция», — произнес председатель. Это он сказал тихо, но мы слышали, хотя и знали, что подслушивать нехорошо.

II

Второй день мы с Мишкой не отходим от кузницы. Много там бывает народу. Кузнец дядя Платон, не в пример другим взрослым, нас не прогоняет.

— А ну, цыплята, подбросьте-ка вон ту подковку, — иногда говорит он.

Мы охотно делаем все. Выкует Платон какую-нибудь железку и швырнет ее в угол, там целая куча железа накопилась.

Удивились мы, как это у него ничего не теряется. В прошлом году я закинул свои коньки на чердак, а потом искал их две недели.

Часто сюда заходит бригадир дядя Петя, или Петр Васильевич, как все его называют. Дядя Петя такой великан, что, пролезая в кузницу, переламывается пополам.

— Как дела у тебя, Кузьмич? — гудит он, словно в трубу. — Трудисься?

— Плуги готовы, — отвечает дядя Платон, звякнув очередным зубом для бороны по железной куче в углу. — Бороны заканчиваю. Две осталось. С телегами похуже. Помощник нужен.

— Дадим, — говорит Петр Васильевич, — Изосима Валуева подброшу на подмогу.

— Кого? — дядя Платон перестал бить по наковальне и подошел к бригадиру. Бородатый, весь в саже, прокопченный, он похож на столб дыма. — Уволь, Петр Васильевич, от такого помощника. Пусть лучше идет он на свою горку... благо она уже вытаяла.

Изосим Валуев у нас известный человек. Его именем даже одно местечко назвали, то, что в поле за овинами. А удостоился этой чести Изосим за свою работу. Пахал он как-то, присел отдохнуть, да и уснул, на поле пришел Петр Васильевич, а от Валуева сонного дым валит. Вскочил Изосим и ну одежду тушить. «Увозился так, что только присел — и разморило, — оправдывался он после. — Спал недолго, сигарка не успела еще потухнуть». Какая там сигарка, если обе полы телогрейки сгорели и валенок занялся. С тех пор и назвали место, где он спал, «Валуевой горкой», хотя эта горка чуть побольше кочки.

Во время этого разговора кто-то крикнул у входа:
— Бригадир здесь?

И в кузницу ввалился Изосим Валуев, с заячьей шапкой в руках.

— Легок на помине, — откликнулся дядя Платон и сплюнул в кучу углей.

— Ну? — встретил Петр Васильевич Изосима. Он это спросил так, как будто знал, что Изосим никогда не принесет ему счастья.

— Ну? — повторил бригадир.

Изосим Валуев два раза хлопнул шапкой по косяку и показал на свои новые валенки с галошами:

— Не пробрались... Воды — жуть!.. Наледь выступила. Лошадь упирается, не идет в воду... Бойтся, значит... И вот, приехал без сена...

— Как это «без сена?» — спросил бригадир.

— Эх, Петр Васильевич, не надо было на болоте стога метать, — сказал дядя Платон.

— А, может, хватит того, что в сараях, — сказал Изосим. — Смотрите, какая дружная весна... Дед Афоня бает: «Если в Евдокею курица напьется, то в Егория баран наестся...». Дотянем до Егория, а?..

— Хватит, — хлопнул Петр Васильевич рукавицей по колену. — Пора бы забыть Егориев да Евдокий. На руках сено вынесем!

— Пусть другие идут, а я...

— Пойдешь! — закричал бригадир на Изосима, — первый пойдешь! Это ты в прошлом году на сенокосе метал стога где попало.

Изосим что-то напоминал о своих новых валенках с галошами, о медали, полученной на фронте, говорил о несправедливости... Петр Васильевич долго сердился, потом упрекнул Изосима за то, что у него не душа, а обвалившаяся шахта, и долго еще надо ее разрабатывать.

Скучно нам стало слушать ругань. На улице было так хорошо, так пригревало солнце, что хотелось идти далеко-далеко, за Валуеву горку, туда, где вспухает вода голубой Дунайки.

III

Председателя нашего колхоза пропечатали в областной газете. Об этом узнал я от мамы, когда она с работы пришла. И, знаете, кто пробрал Тихона Петровича? Зозулиха! Все удивились: многие думали, что она не умеет писать.

— Зозулиха везде успеет. И правильно, — сказала мама. — Вот я тоже поставлю вопрос об удобре-

ниях под кукурузу. Скоро сеять надо, а их у звена нет.

Но мама собирается ставить вопрос не в газете, а на колхозном собрании. И, я знаю, поставит. Ведь она у меня языкастая — каждый это знает.

Я сказал о газете Мишке.

— Подумаешь, — ответил Мишка. — Давно сам знаю.

— Откуда? — удивился я.

— А Тихона Петровича сегодня видел. После критики он завсегда к нам в Дорожайку приезжает. Ух, и кричал же он на Петра Васильевича, — рассказывал Мишка. — А бригадир совсем не виноват. Петр Васильич два раза ездил в город за рамами для парников, да только их там не дали, сказали, что денег председатель не заплатил. Теперь-то он заплатит, будь спокоен.

В этот вечер я пришел домой позднее, чем приехали с вывозки навоза комсомольцы. Мама опять было на меня замахнулась. Но это ничего: она еще за всю жизнь меня ни разу не ударила. Говорит, некогда, а вот отец давно бы отстегал. Это она тоже напрасно. Я знаю: отец у меня был добрый. Я часто смотрю на его фотокарточку. Он в погонах, с орденами. Такие с маленькими не дерутся.

Ночью я видел сон: будто кругом растаяло, солнце светит. Тихон Петрович сидит у пустого парника, а рядом с ним Зозулиха пишет статью в газету. Он упрощивает ее не писать, подождать до Егория, грозит, что утопится в Дунайке. Но все обошлось: не утопился, так как настало утро, и меня разбудили.

Мы с Мишкой с вечера решили идти после уроков к бригадиру просить работы.

— Не даст, — убежденно сказал Мишка. — Скажет, маленькие.

— Какие же мы маленькие? — возразил я. — Посмотрел бы ты, как я из печки ведерный чугунок достаю, когда мамы дома нет. Я сильный.

— А он видел? — спросил Мишка.

— Что видел?

— А как ты чугунок доставал.

Я пожалел, что бригадир этого не видел.

— Ну, так нечего и соваться, — сказал Мишка, но потом передумал: — А все же попробуем.

Петра Васильевича мы нашли на конюшне, но спросить постеснялись, так как он разговаривал с дядей Колей, Мишкиным отцом.

— Кавалерия, значит, в плуг готова? — спрашивал бригадир.

— Наголо, — ответил дядя Коля. — Только вот овсеца подбросьте. Потому — перед атакой положено.

Дядя Коля всегда непонятно говорит. Это у него с войны. В деревне рассказывают, что дядя Коля служил в кавалерии и просто помешался на лошадях.

Бригадира мы все же подкараулили. Петр Васильевич долго смотрел на нас, а потом рассмеялся:

— Куда я вас пошлю? — говорил он. — Навоз вывезен, семена дочищаем, золу комсомольцы выскребли из всех печей. Разве вот к дяде Платону вместо Изосима Валуева? Хотя — нет: он, говорят, неплохо помогает... Хорошо, даю наряд — идите учить уроки. Живо!

Хотя Петр Васильевич и хороший человек, но мы на него обиделись. Когда летом идем из лесу с ягодами, всегда угощается. Вот теперь пусть-ка попросит...

В овощехранилище мы пришли к вечеру. Там работала Мишкина мать, и он хотел сообщить, что Хохлатка снесла двухжелточное яйцо, большое, как гусиное. Тут были Зозулиха, Оноприха и еще несколько старух. Они разбирали картошку, крупную клали в одну сторону, мелкую — в другую, среднюю — в третью.

— Мам, зачем так? — спросил Мишка.

— Это для машины, Миша, — ответила она. — Картофелесажалкой называется. Впервые у нас нынче такая будет.

Потом Мишкина мать попросила помочь, и мы остались. Я быстро научился сортировать, а вот Мишка, прежде чем положить картофелину в нужную кучу, долго взвешивал ее на ладони, будет ли в ней восемьдесят граммов.

Работали долго. Целый час. Потом услышали шум тракторов. Нам очень хотелось их встретить, но мы постеснялись уйти: неудобно будет, если назовут дезорганизаторами, как Изосима, или пропечатают в газете, как Тихона Петровича.

IV

Сегодня ночью прилетели грачи. Они чинно расхаживают по проталинам, ковыряют оттаявшую землю белыми клювами. Дунайка разлилась вовсю, но лед еще не взломало. Да и снегу хватает: у сараев, в кустах, на поле, где осенью не был скошен подсолнечник.

Утром я зашел за Мишкой, и мы пошли в школу. На улице было шумно. Зозулиха пробирала шофера дядю Виктора за то, что не почистил кузов машины.

— У носа своего можешь не убирать, а я в такую

машину не сяду, — кричала она. — Пусть другие едут и проверяют. Стыда не оберешься от дорофеевских.

Зозулиху накануне выбрали в делегацию по проверке соседней бригады. Наши должны дорофеевских обследовать, а дорофеевские — нас. Не беспокойтесь, у нас-то все готово к севу. Пусть приезжают. Если и не готовы две телеги, то их дорофеевские в жизнь не увидят. Изосим их спрятал так, что комар носа не подточит. Только вы не говорите Петру Васильевичу: Изосим это сделал тайно, когда бригадир уехал в правление.

Дядя Виктор ворчал и ругался, пока чистил машину. Наконец, все уселись. Мы тоже влезли в кузов, но нас хотели согнать.

— Пусть подъедут, — сказала Зозулиха. — До ручья им по пути.

Нам первый раз в жизни понравилась тогда Зозулиха, и я вечером сказал об этом маме. Она ничего не ответила, но посмотрела на меня так, как смотрит Павел Петрович, когда отлично выполнишь домашнее задание по арифметике.

Толоводве

На задворках чуть покосившегося бревенчатого дома дюжий парень в кирзовых сапогах, промасленной телогрейке и серой фуражке с захватанным козырьком размахивал громадным кулаком перед лицом тщедушного подростка в танкошлеме.

— Где плуг? — кричал верзила. — Где, я тебя

спрашиваю? Забыл? Вот поставлю зарубку меж ушей, чтобы помнил!.. Помощничек!

Паренек молча следил за мелькавшим кулаком и медленно отступал в дотаивающий серый сугроб.

— Чем думал, когда за рычаги садился? — наступал парень. — Эх, зря я доверился.

— Прости, Филя, — наконец тихо произнес подросток, прижатый к сугробу.

— Филька, значит, за тебя все будет делать?.. Раз-мазня, — продолжал Филька, но было видно, что гнев утихал. — Вот и всегда так: чуть выйдешь из строя, так черт знает что без тебя наколбасят.

Филька Агафьин немного кривил душой. Болел он мало, а если иногда и не выходил на работу, то все знали, что лежит «после вчерашнего». А это с ним случалось. По своей бесшабашности он частенько сбивался с правильного курса, как говорили в РТС. Работать на тракторе в таких случаях приходилось сменщику по две, а иногда по три смены подряд. Фильку воспитывали, как могли, но результаты этого воспитания пока что были мизерные.

Причиной сегодняшнего гнева Фильки была опять-таки его беззаботность. Неделю назад, закончив ремонт «натика», он ни с того, ни с сего решил ехать в райцентр. Пашке Светикову, своему помощнику, наказал: «Перегони матчасть на ту сторону Дунайки. Пахать будем в вашей бригаде, а жить — у твоей матери. Ясно? То-то.. А я отлучусь. Если спросят, то скажи, мол здоровьишко у Агафьина что-то того.. Понимаешь?».

«Здоровьишко», конечно, было ни при чем. Пашка знал, что его старшой едет вставлять выбитые зубы. Золотые будут. Об этом Филька сам позавчера обмол-

вился, пересчитывая сотенные бумажки в потрепанном кошельке.

В райцентре Филька задержался. В первый день подпиливали зубы, во второй — снимали мерку, в третий день опять что-то подскабливали. Однажды, оправившись от тупой боли в скуле, он сердито заметил:

— Вы всегда из-за трех зубов целую неделю муржите человека?

Угреватый зубной техник, еще молодой, но лысый, как головка сыра, удивленно уставился на Агафьина:

— Запомните, молодой человек, красоту делают не какие-нибудь плотники. Зуб вставить — не гвоздь в доску вогнать. Да.

С этим доводом Филька не мог не согласиться. Он замолчал, решив терпеливо ждать.

— Полюбуйтесь, — вставив зубы, подал техник Фильке зеркало. — Зубки, что надо... Королевские. Можете теперь играть свадьбу. Меня пригласить, конечно, забудете.

Филька закрыл рот и ощутил в нем что-то лишнее, словно не зубы, а гайки от плуга держал за щекой.

— Это чувство пройдет через три дня, — обнадежил техник и крикнул:

— Следующий!

Из поликлиники Филька забежал в дом колхозника, вытащил из-под кровати вешевой мешок, закинул его за спину и быстро вышел на улицу.

Все дни, пока Филька был в райцентре, нещадно палило солнце. Снег с полей почти согнало. Дунайка вздулась, потемнела и с грохотом тронулась. Когда Агафьин подошел к ней, то по реке плыли огромные льдины, с каждой минутой ускоряя движение. Короткий мостик со всех сторон окружала вода, и он те-

перь казался крохотным островком. «Хорошо, что Пашка успел трактор перегнать», — подумал он и, выбрав льдину покрупней, вскочил на нее.

Перебирался на противоположный берег Филька около часу. Выжидал, когда льдина, на которой он стоял, соприкоснется с другой, потом прыгал на эту другую. Выбравшись на землю, вслух беззлобно выругался.

— Вот ведь паскудница! Летом напиться не найдешь, а теперь, я-те дам, как взыграла.

Свой трактор он заметил издали. «Натик» сиротливо стоял на задворках Пашкиного дома. Филька подошел к нему, не снимая вещевого мешка, заглянул под капот, залез в кабину, потрогал рычаги и по привычке взглянул в заднее окно... «А где же плуг? — мелькнула в его голове тревожная мысль. — Неужели...»

Так оно и оказалось. Пашка Светиков, всю жизнь мечтавший самостоятельно повести трактор, забыл прицепить плуг, стоявший за углом сарая. Да и как было не забыть его, если он, на виду у всего девического населения деревни, сам, без чьей-либо помощи сдвинул металлическую громадину с места. И хотя до Дорофейки было не более двух километров, оделся так, словно собрался в дальний поход. Прожженный в двух местах ватник подпоясал оставшимся после отца широким солдатским ремнем, туго застегнул под круглым подбородком подаренный Филькой танкошлем... А там, в родной деревне, встретит его усталая мать, всплеснет руками...

Свою непоправимую вину Пашка осознал только теперь, испуганно следя за отмытым от нигрола и сажи Филькиным кулаком.

— Без плуга мы здесь лишние! Понял? Трактор без пользы проторчит весь сев. Когда Дунайка-то спадет? К концу весны. Это тебе не какой-нибудь пароконный плужишко, который в лодке переправишь... Тюря ты с мутным квасом...

— Так его же не было рядом с трактором.. Вот и забыл.

— Помнить надо!..

— Послушай, Филипп, кулаком да глоткой ошибку не исправишь, — вдруг раздался за спиной тракториста голос бригадира-полевода Степана Волкова, крепко сколоченного рябоватого мужчины. — Стоял я тут за углом и слушал твое художественное чтение. До чего ж, думаю, у парня язык натренирован. А ты вникни, кто тут виноват и как выйти из этой истории.

— Как, хотел бы я знать? — огрызнулся Филька. — Может, понтоны у тебя есть? Дай вон шорнику наряд, — кивнул он на подходившего к ним старика, — враз наведет.

— Думать надо, Филипп, — не обидевшись за издевку, сказал Степан. — Думать. Дело-то серьезное, не сегодня-завтра в поле надо выезжать.

— А, черт возьми! — опять выругался Филька и наотмашь сорвал с головы Пашки танкошлем. — Не достоин ты его. Попроси у матери платок.

...А бурые с большими синими пятнами льдины все несло и несло по широкой Дунайке. Ослепительной белизны облака отражались в широких разводьях, и от этого казалось, что вся река забита льдом. Пашка стоял у раскрытого окна, прислушивался к крику журавлей и с каким-то укором смотрел на Дунайку, как бы поторапливая ее катить свои голубые воды. Филька лежал на кровати, у дверей, и казалось, ни-

чем не интересовался и ни о чем не думал. Он не видел, как из-за поворота показалась группа девчат, идущих с очистки зерна. Пашка заметил среди них Тоньку Снегиреву и только хотел сообщить об этом Фильке, как в окно ворвались задорные голоса:

Идет Филя по деревне,
Идет, улыбается.
Оказалось, зубы вставил —
Рот не закрывается.

Филька даже привскочил. Он хотел подбежать к окну, но своевременно спохватился, так как на собственном опыте убедился, что этим можно нажать еще большую неприятность. Он лег опять, закинул ноги на спинку кровати и сердито заметил Пашке:

— Закрой окно... Напустил тут холоду.

Филька по голосу узнал Тоньку Снегиреву. И его больше обидела не частушка, а то, что ее вместе с другими девчатами пела Тонька. «Может, она и сложила эту частушку», — мелькнула в голове тревожная мысль. Тонька не была его невестой. Филька с ней даже ни разу не прошелся по широкой деревенской улице под ручку, но это была единственная девушка, в присутствии которой он не то чтобы робел, но как-то стесненно себя чувствовал.

— Паша, — произнес вдруг Филька, — ты знаешь, что нам будет, если плуг не добудем?

— Знаю, — ответил Пашка, обрадовавшись, что старшой, наконец, заговорил с ним по-человечески.

— Нет, не знаешь. Молод, — возразил Агафьин и продолжал: — А будет то, что сначала в РТС пропесочат, потом вызовут в определенное место и спросят: «Фамилия? Судился раньше? Нет? Хорошо. А теперь

будете судиться за срыв весенне-посевной кампании». И так далее. Ясно? Потом отрубят три, а то всю пятерку... Загремят Пашка с Филькой туда, где, примерно, Макар телят не пас.

— Пугаешь, — неуверенно произнес Пашка, устремив большие серые глаза на Агафьина.

— Конечно, пугаю, — простодушно признался Филька. — Судить, может, не будут, к ругани мне не привыкать... да и не в этом дело...

— В чем?

Филька не ответил и отвернулся к стене.

Перед вечером к трактористам зашел колхозный шорник дед Евсей.

— Как дела, механики? — загудел Евсей, проходя в передний угол. Заметив, что никто не отвечает, продолжал: — Дела у механиков — надо бы хуже, да некуда. Без плуга не напашешь хотя, да, вольнее без работы себя чувствуешь... Для некоторой молодежи это — первостатейное дело. Машину, конечно, к другому можно приноровить... Возьмем хотя бы куриный помет на поле возить... Прицепил к трактору ребячью тележку и дуй на всех четырех скоростях, потому как в бригаде этой самой птицы всего штук сто. На два рейса хватит. А потом воду пахарям можно подкидывать... Напиться с устатку. Всей работы на час. Остальное время лежи да поплевай в потолок... А мы уж как-нибудь все двести гектаров на лошадях поднимем. Вот и выходит, что самым главным механиком на данный момент оказываюсь я...

— Застегни свой рот, дед, — не выдержал Филька. — Развел тут воду на киселе, механик сыромятных ремней. Без тебя тошно.

— Это хорошо, — отозвался шорник, поглаживая

бороду-лопату. — Люблю сердитых. — И вдруг сам сердито: — Кричишь ты вот белугой астраханской, а того не знаешь, что помочь вам пришел. Угости папирской, что ли.

— Сам последний окурок сжег. Забыл второпях купить, — ответил Филька.

— Закури моего в таком разе, — миролюбиво предложил Евсей, достав из кармана ватных шаровар кисет.

— Это можно, — Агафьин встал, подошел к столу, взял из протянутого кисета изрядную щепоть коричневого самосада, свернул козью ножку. — Что скажешь? — невесело усмехнувшись, спросил он шорника.

— Есть тут у меня идея одна... Только обмозговать надо.

— Давай, дед. Идеями неплохо перед севом заправиться. Паша, присаживайся поближе, агитатора послушаем.

В это время открылась дверь, и порог переступил Степан Волков. Проходя под полатами, он нагнул голову — ростом был не обижен.

— Э, ты уже здесь, — обратился он к деду Евсею. — Вот мы и подумаем, как самих себя выручать. Так что ли, Филипп Яковлевич?..

Фильке польстило такое обращение. Он гостеприимно предложил:

— Закуривай, Степан Никитич, у деда крепачка. Вот горлодер, так горлодер, нутро рвет. Не табак, а чистая борона.

— Плуг тот на несколько частей разбирается? — закуривая, спросил Степан Волков. — По отдельности, в лодке, может, перевезем, а?

— Корыта порядочного в деревне не сыщешь, а

он — лодка. Пятьсот килограммов самая большая деталь, длина около пяти метров... Я уж об этом думал, — ответил Филька.

— А плот?

— Не погрузить. Опрокинется.

— В РТС надо звонить скорее, — подал голос Пашка и смутился.

— Там амфибий тоже нет. Самим надо выходить сухими из воды, Паша, — возразил старшой. — Звон на весь район не стоит наводить. Придумай что-нибудь поумнее, Паша.

— Выход один, — вступил в разговор Евсей. — Надо плуг перетащить трактором по дну Дунайки. Единственный выход.

— Ведь верно, — сверкнул глазами бригадир. — На фронте мы так кое-что переправляли.

— Удивили, нечего сказать, — махнул рукой Агафьин. — А трос где возьмем? Метров на семьдесят надо. Тут вожжами или чересседельником не обойдешься.

— Верно. Стального троса у нас нет, — вздохнул Степан.

— То-то и оно.

Молчание. Весенние сумерки сгущались. Пришла с фермы Пашкина мать, зажгла лампу и встала у печи, скрестив на груди под передником руки. Она уже знала о промахе трактористов и втайне надеялась, что все обойдется благополучно. И вдруг наступившую тишину всколыхнули голоса:

Зубы вставил, плуг оставил, —
Я вам разве не знаком?
Зубом землю всковыряю,
А засею языком!

Это девчата возвращались с работы. Острые слова частушки задели Фильку за живое: «И об этом уже знают. Вот язвы». Дед Евсей хитровато усмехнулся в бороду. Пашка кинулся проверять, все ли закрыты окна, чтобы «не напустить холоду». Бригадир что-то обдумывал.

— Есть трос! — обрадованно крикнул он.

— Где? — почти одновременно вырвалось у Фильки и Пашки.

— У Демьяна в огороде. В прошлом году с заброшенной лесной делянки приволок. Должно, забыли его леспромхозовские. А Демьян — мужик хозяйственный, сами знаете...

И у всех гора с плеч.

— Идемте к Демьяну, — решительно заявил Агафьин. — А с утра начнем.

Филька Агафьин хотя и любил свою специальность, но порой к работе относился несерьезно. Бывало, выйдет на первое место в бригаде, а потом низвергнется на самый низ списка. Всякое бывало. Часто работал рывками, брал нахрапом, как говорили в РТС, не слезая с трактора по трое суток. Потом вдруг дурь в голову войдет. Выпьет, куражится. Но, надо отдать справедливость, трактор и комбайн он знал так, как знает опытный хирург человека. «Неорганизованный характер у парня, — однажды кто-то сказал на собрании механизаторов. — Цель жизни на мушку поймать не может». С «неорганизованным характером» Филька согласился, но насчет цели жизни возразил. «Вот она, цель, — показал он свои тяжелые кулаки. — Не меньше любого сработают... Кто сомневается, подходи».

С тех пор Агафьин стал иногда задумываться о це-

ли жизни и о своем характере. Пашка был обрадован, что после курсов попал к хорошему знатоку своего дела, а о характере Фильки он по своей молодости не подумал. Он пригласил Фильку жить к себе. Филька согласился сразу, так как дом Пашки стоял недалеко от дома Тоньки Снегиревой, на близкое знакомство с которой он рассчитывал. Тракторист намеревался отличиться на севе и тем завоевать расположение дочери вдовы Агафьи Снегиревой. И вдруг «отличился», оставшись без плуга.

Скоро ледоход на Дунайке кончился. Широкая лента реки теперь напоминала блестящее под лучами солнца асфальтированное шоссе, по которому только что проплясал веселый дождик. От земли шел легкий прозрачный пар, дрожал на солнце. «Земля дышать начала», — говорили колхозники, собравшиеся посмотреть на переправу плуга под водой. Народу собралось много. В стороне от трактора кучкой жалась девчата, смеялись. Сновали вездесущие ребяташки. Степан Волков, дед Евсей, Филька и Пашка оживленно обсуждали предстоящее дело.

— Ну, Паша, забирай конец троса и трогай на тот берег, — распорядился Филька. — Крепче прикручивай там. Ни на один борт лодки не налегай, посудина ненадежна.

Пашка скинул ватник, остался в одной ситцевой рубашке. Взяв шест и конец троса, он смело шагнул в лодку. Второй конец троса Филька обмотал вокруг буксирного крюка трактора, подогнанного почти к самой воде. «Натик» работал на холостых оборотах, пуская в синее небо белые кольца дыма.

— Филья плуг топить собрался, — раздался чей-то девичий голос. — Концы в воду прячет.

— Потише можете? — повернулся к ним Агафьин, всматриваясь в противоположный берег, где стоял плуг, подтянутый к воде лошадьми.

— Ишь, Филя стал какой вежливый.

— Не узнаешь.

— Го-о-то-во! — донесся голос Пашки с того берега.

Филька мигом оказался в кабине машины. Вот трактор тронулся, натягивая трос. Взгляды всех были прикованы к противоположному берегу. Вот плуг вздрогнул и стал медленно приближаться к воде. Через минуту он скрылся под водой.

Агафьин вел «натик» плавно, без рывков, постепенно прибавляя газ. Но вдруг трактор замедлил движение. «Надо дать газку», — решил водитель. Не помогло. Газ выжат доотказа. Машина вздрогнула и, сделав рывок вперед, заглохла... Стальной трос темной змеей вынырнул на берег и свернулся в большие кольца.

Обрыв?!

Да, это был обрыв. На берегу наступила тревожная тишина. Все смотрели на спокойные воды Дунай-ки, похоронившие, казалось, навсегда тракторный плуг. Филька тяжело вылез из машины, привалился к гусенице. На лице его выступил холодный пот. Подошли Степан Волков, Демьян Карнаухов, Пашка и, не говоря ни слова, остановились рядом.

Агафьин даже не взглянул на них. Он невесело улыбнулся и влез в кабину трактора, бросив Пашке:

— Крутни!

Машину Филька подогнал к реке так, что вода коснулась траков гусеницы. Размотав короткий буксирный трос с карабинами на концах, он стал наращивать его к оборванному концу большого троса. Степан

не сразу разгадал замысел тракториста, но, когда понял, коротко приказал десятилетнему сынишке, вертевшемуся под ногами:

— Тащи тулуп. Живо!

Понял решение старшого и Пашка. Он начал быстро раздеваться.

— Ты чо? — спросил Филька, связав концы.

— Я... я... — замялся Светиков.

— Знаю, что ты, не я же на прошлой неделе ангиной болел, — сурово оборвал его Агафьин и сбросил на землю серую фуражку. Туда же полетели телогрейка, кирзовые сапоги... Снимая «полосатые штаны после дяди «Сатаны», как он их сам называл, Агафьин покосился на девчат. Но те уже не смотрели в его сторону.

— Иорданская святая купель... Ох-хо-хо, — вздохнул дед Евсей, провожая Фильку глазами.

Филька, не говоря ни слова, нырнул. Вместе с ним скрылся под водой и конец троса с карабином. Прошло несколько томительных секунд. С берега видсли, как рыжая голова на миг показалась на поверхности реки, и опять вода сомкнулась над ней.

Через минуту посиневший и вздрагивающий вылез тракторист на берег. Стуча зубами, он хрипел:

— За-за-ацепил... за что-то...

— Скидай подштанники, тельник, — командовал Степан Волков, накидывая на Агафьина принесенный тулуп. — Бегай, танцуй, чтобы кровь разошлась!

Филька неуклюже затанцевал, путаясь в длинных полах и размахивая руками, словно ветряк крыльями. Девчата не выдержали, засмеялись.

— Крой, Филипп Яковлевич, на печь! — кричал бригадир.

Но Филька не слушал его. Он был уже у трактора, заведенного Пашкой.

— Двигай, Паша, двигай. Да сними ты свой танкошлем, он тебе на глаза лезет... Тихо, тихо... Дай тросу натянуться. Ого! Пошел...

Из воды показался плуг, облепленный илом и коричневыми водорослями.

— Жми, Паша! — в последний раз крикнул Агафьин и, обогнав трактор, припустил к Дорофейке.

... Когда Пашка пришел домой, Филька безмолвно лежал на кровати, накрывшись с головой цветным одеялом.

— Филя, — тихо позвал он.

— Ну?

Вот мама велела взять в сельпо, — достал Пашка из кармана пол-литра. — Да и дед Евсей говорит, что растирание надо сделать...

— А ну, дай сюда, — из-под одеяла сначала показалась рука Фильки, а потом и голова. — Хотя нет, налей во что-нибудь.

— Может, еще? — спросил Пашка, когда Агафьин до дна осушил граненый стакан.

— Хватит, — твердо произнес Филька. — Отеплил внутри и хватит. Допьем по окончании посевной, — добавил он и с головой накрылся одеялом.

НАКАЗАНИЕ

Степан Дрынов проснулся поздно. Чувствовал себя он скверно. Ломило поясницу, руки поднимались с трудом. Голова гудела так, словно в ней медные шары катают.

Степан тяжело сел на скамью, стоящую у стенки, и тут вспомнил, как провожал в город брата, приезжавшего в колхоз закупать капусту для столовой... Вы-

пили пол-литра дома, на станции, ожидая поезда, взяли еще одну «под белой головкой», перед отходом поезда пивком поверх прыснули, а потом... Что было потом, он помнил плохо.

...Правление собралось в девять вечера. В простой деревенской избе (колхоз строил новое здание для конторы) было полно народу. За столом, накрытым красным полотнищем, разместились правленцы. Председатель артели Федор Козлов, тридцатитысячник, высокий стройный мужчина лет тридцати пяти, окинул взглядом присутствующих и объявил:

— Начнем, товарищи!..

«Сейчас возьмутся», — мелькнула мысль в голове Степана, сидевшего на одной из задних скамеек рядом с веселой разведенкой Полинкой Маханьковой. «Не тянули б, отколошматили первым вопросом да и отпустили», — думал он. По опыту прошлых обсуждений Дрынов прикинул в уме меру наказания, положенную ему: пять трудодней штрафа.

Но, вопреки ожиданиям, первым вопросом обсуждали не его. Говорили правленцы, колхозники вступали в разговор, бросали реплики. Потом слово взял председатель. Он сообщил собравшимся, сколько еще надо убрать зерновых, собрать овощей, внес предложение молотить на току в две смены, на жатве пустить в ход даже серпы...

— И тогда, — говорил он, — мы справимся с нашим кровавым делом — уборкой хлебов. Справимся, если у нас не будет прогулов, срывов, беспечности в работе, надежды на авось...

«Начинается», — вздрогнул Степан и втянул голову в плечи. Полинка Маханькова сбоку взглянула на него, вздохнула и, не сказав ни слова, сплюнула шелу-

ху подсолнуха под ноги Степану. «Ну, эта не защитит, знаю эту зазубрину», — недоброжелательно подумал Дрынов. Он надеялся, что председатель новый только два месяца работает и, ничего не зная о его старых прегрешениях, отнесется к прогулу, что называется, по-божески.

Но Степан ошибся. О нем председатель даже не помянул. Правление стало решать вопрос. Было внесено предложение выплачивать авансом на трудодень не по три рубля, а по пять. Колхоз пригородный, выручил много денег от продажи овощей. Возражений против этого предложения не было. Колхозники многозначительно переглянулись. Поднял голову и Степан. Тут его заметил бригадир Гриша Половинкин, самый молодой член правления, оставшийся после школы десятилетки в артели. Гриша шепнул что-то председателю, а тот в ответ кивнул ему головой.

— Дрынов, подойдите ближе, — сказал Козлов.

Степан встал, шагнул вперед.

— Еще ближе, не стесняйтесь.

Он стал рядом со столом, уронив голову и опустив руки, как бы показывая всем своим видом, что повинную голову и меч не сечет.

Гриша Половинкин доложил, что колхозник Степан Дрынов сегодня не выехал на жатке-самосброске в поле, кони и машина простояли полдня без дела, пока не нашли замену.

— Причина? — спросил председатель, записывая что-то в блокнот.

— Он объяснит, — показал Половинкин карандашом на Степана.

Дрынов молчал.

— Ну? — строго произнес председатель.

— Виноват, наказывайте, — выдохнул Степан.

— С вечера был пьян, разбудить не могли утром. Вот вся и причина, — объяснил Гриша.

— Верно?

Степан не ответил. Да и зачем было говорить, когда и так всем было известно.

— Что с ним разговаривать, — выкрикнул один из колхозников. — Учить таких надо! Заведется одна овца...

— Верно! Наказать строже — и вся недолга.

— Сколько же ты выпил, что так?.. — Гриша Половинкин не договорил, спохватившись, что этот вопрос к нему не относится.

— Ведро! — слышался насмешливый голос от дверей.

— По стропильнику с братом... перед отъездом его, — тихо ответил Степан и отвернулся.

— А что это за мера — стропильник? — поинтересовался Федор Козлов.

Дрынов посмотрел на председателя: в шутку он спрашивает или нет. Но, не заметив улыбки в его коротко подстриженных рыжеватых усах, сообщил:

— Мера? А когда как.

В комнате раздался взрыв хохота, пламя лампы-десятилинейки заколебалось.

— Тише, товарищи, тише, — Козлов постучал карандашом по пепельнице. — Это к делу не относится.

— Решайте, как поступить с прогульщиком.

— Оштрафовать, — внес предложение Гриша Половинкин.

— На пять трудодней, — добавил бухгалтер.

— Мало! — крикнула Полина Маханькова.

— Связать на одну веревку с Костей Хромым да вывести за пределы колхоза. Два сапога — пара.

— Мало! — опять созорничала Полинка.

— Тише, товарищи.

— Федор Михайлович, это у Дрынова уже не первый прогул, — пояснил Гриша председателю. — Раз уже предупреждали...

— Вот как, — произнес председатель и задумался. — Вот как, — повторил он и остановил взгляд своих серых глаз на лице Степана.

По спине Дрынова пробежал холодок. Прежний председатель не мог так строго смотреть, а этот... «Вот как, вот как», — забилось сердце. «Нет, пяти трудоднями, видать, не отделаться». «Вот как, вот как», — стучало в висках.

— Если не будете против, я предлагаю... — Козлов повернулся к членам правления, — я предлагаю не допускать товарища Дрынова до колхозной работы две недели.

Степан сначала не понял смысла слов председателя. А когда вник в них, то сначала удивился, что легко отделался, а потом испугался.

Колхозники тоже были удивлены столь, казалось бы, нелепым наказанием. Подобного они никогда не слыхивали. Мыслимо ли, человек прогулял, а ему еще дают две недели отдыха.

— Теперь ты можешь махнуть в эту... как ее... санаторию. На ванны, — шутил шорник Евсей, когда они со Степаном выходили из правления. — Там, говорят, пей этого самого... нарзана бесплатно. Сколько хошь.

Раньше Степан Дрынов как-то не успевал насладиться прелестью русской осени. За работой некогда было любоваться золотом увядающих лесов и полей,

сизым от марева горизонтом и небом, словно бы слегка посыпанным известковой пылью. Теперь, когда он вот уже как три дня отстранен от работы, от нечего делать выходил в огород и на все смотрел жадными, но печальными глазами. Увидел зарево листьев, открыл, что пруд в саду удивительно напоминает холодный серебряный полтинник, брошенный в костер осени. Но на душе у него было беспокойно, словно бы утерял что-то. Но что?

По дому он все переделал: докопал картошку на приусадебном участке, поправил печную трубу, вставил выстегнутые ветром в хлеву стекла... А больше, кажется, делать нечего. На улицу, а тем более в правление колхоза, он не показывался. Совестно. Если раньше ходил туда почитать газету, то теперь оставался в неведении текущих событий. «Ходишь, как неприкаянный, — думал он, — даже газетки нет, поспешил выписать. Эх-хе-хе...». Заметил, что аппетит стал хуже. Если раньше за обедом съедал по две тарелки борща, то теперь одной не мог осилить.

— Степан, а Степан! — кричала в полдень жена, приглашая обедать.

Он шел с огорода в избу, хмурый садился за стол. Молча придвигал тарелку, молча резал хлеб. А сегодня даже в глаза сыновьям немножко стеснялся смотреть. Он слышал, когда подходил к крыльцу, как старший Гаврюшка, второклассник, в сенях пытал мать: «Папаня третий день дома. Болен он, а? Скажи, мамка, болен?». «Здоров, чего ему сделается», — отвечала Мария Васильевна. «Так почему же он не в поле, а?..».

За обедом Степан прикинул, сколько трудодней потеряет за две недели. Выходило что-то много, немень-

ше тридцати. Дрынов работу любил, выполнял ее хорошо, зарабатывал изрядно. «А сколько же потеряю в переводе на деньги и хлеб?» — мелькнуло в его голове. Начал подсчитывать. Арифметика была несложной. Тридцать помножить на десять, будет триста рублей... «Триста!».

Степан посмотрел на жену, знает ли она, во что обойдется им его двухнедельное безделье. Мария Васильевна утирала нос шестилетнего Федюньки и не заметила тревожного взгляда мужа. «А хлеба?.. По пять килограммов зерна... Итого будет сто пятьдесят! Овощи, подсолнечное масло... Сено...». И только тут Степан полностью почувствовал всю суровость наказания. «Рублем бьет председатель... А, черт с ним, вынесу», — решил он, вставая из-за стола.

Но выносить становилось все трудней и трудней. Степан начал скучать на своем огороде. Днем в деревне не оставалось почти ни души, даже ребятишек не было видно. Изредка протюкает из конюшни в поле или из поля в конюшню деревяшка шорника Евсея и опять тихо. А из поля ветерок несет запах горевшего жнивья, хорошо знакомая гарь приятно щекочет ноздри. Степан мог поклясться, что в ее запахе он отчетливо различает слабый запах человеческого пота.

— Нет, не могу больше, не могу, — хватался он за грудь. — Да, може, у меня кроме колхоза больше ничего и нет. А они меня так... Не могу.

Перед вечером Дрынов подкараулил Гришу Половинкина, проходившего по улице. Высунулся в окошко, тихо окликнул бригадира, стараясь скрыть чувство обиды и неловкости.

Гриша подошел к дому Дрынова. Ватная телогрейка нараспашку, на голове шапка.

— Что стряслось? — спросил он, нахмутив белесые брови и в упор посмотрел на Степана, как это делал председатель Федор Козлов.

— Дай наряд, любой, — попросил Дрынов. — Вот тут щемит, — показал он на грудь. — Вникни.

— Не могу, — ответил бригадир. — Правление ж решило.

— Куда угодно посылай.

— Не уполномочен отменять приказ председателя.

— Э, тебе не понять, — махнул рукой Степан. — Поройся в земле с мое, тогда...

Что «тогда» — Гриша не дослышал. Степан круто повернулся от него и скрылся за углом. «Ну и характерец», — произнес Гриша и поймал себя на том, что точь-в-точь повторил слова председателя колхоза.

Придя в контору, Гриша рассказал Федору Козлову о встрече со Степаном.

— Говоришь, просился на работу? — переспросил председатель, ослабляя на шее галстук. — Это хорошо. Неплохой он человек, брат Гришка. Такие за землю крепко держатся, хотя, порой, и отрываются от кормилицы.

— Так, может, дать наряд? — неуверенно спросил он.

— Нет, нет, — поспешно ответил председатель. — Обождем.

— Чего же ждать? Вы же сами говорите, что человек он хороший, — удивленно вскинул Половинкин голубые глаза на Козлова.

Председатель улыбнулся:

— Правильно сказал тебе Дрынов, что многое тебе еще надо понять.

Гриша подвернул русую прядь волос под шапку и ничего не ответил.

... Прошла неделя. Степан тосковал пуще прежнего. Даже дважды не пришел обедать. Хотя жена его ни в чем и не упрекала, но по косым взглядам он понимал, что у нее на душе. Она мало находилась дома. Придет, сготовит обед, накормит детей и опять в поле. Словно стыдилась подольше оставаться наедине с ним... А ветерок с полей все нес и нес знакомую осеннюю гарь, еще сильней тревожил душу. Степан смотрел на свои ставшие почти белыми руки и невесело усмехался. Приходили на ум потерянные не за нюх табаку трудодни, косые взгляды сельчан... «Да что я подлец какой, чтобы так меня тиранить? — кипятился он. — А, была не была! Все пойду выложу».

... Когда Степан переступил порог правления, у него был такой вид, что нельзя было не заметить происшедшей в нем перемены. Не говоря ни слова, он прошел к столу, закинул руку за спину и смело посмотрел в лицо Козлова.

— А, здравствуй, Степан Ферাপонтович, — улыбнулся председатель. — Присаживайся. По правде сказать, я тебя ждал.

При этих словах всю решительность Степана как вода смыла. Да и зачем кипятиться, когда он сразу понял, что срок его отсидки на куче картофельной ботвы в собственном огороде отныне кончился.

Незабудки

Нас только что распустили на летние каникулы. Придя из школы, я едва успел бросить сумку с книгами на лавку, как дверь в избу отворилась и порог переступила незнакомая женщина.

— Здравствуйте, — сказала она матери, возившейся у печки с чугунами.

Мать испуганно посмотрела на меня, так как в то время к нам частенько наведывались учителя. Дело в

том, что занимался я небрежно и всерьез намеревался сбежать к отцу на фронт.

— Опять... — прошептала мать, медленно подходя ко мне с ухватом в руках.

— Оставьте, пожалуйста, мальчика, — остановила ее женщина. — Я к вам по делу... Не пустите ли вы на квартиру?

У нас в то время пустовала горница, и они быстро договорились.

— Но я не одна, — как-то виновато добавила незнакомка. — С дочкой я...

— Ах, какая разница, — махнула рукой мать. — Мой так же где-то скитается, — и она поднесла передник к глазам.

— Вот и хорошо, — обрадованно произнесла женщина и обратилась ко мне: — Мальчик, будь добр, помоги мне занести чемодан.

Мы вышли на крыльцо. Невдалеке на большом желтом чемодане сидела девочка в голубеньком ситцевом платье и с длинными черными косами, брошенными на спину.

— Вы здесь живете, да? — вскинула она на меня любопытные голубые глаза.

— Да, — буркнул я, вовсе не желая вступать в длинный разговор.

— И цветов у вас вокруг много? — любопытствовала девочка, подойдя ко мне.

— Сколько угодно.

— Каких?

— Всяких, — ответил я недружелюбно.

— И незабудки есть?

Надо признаться, что в то время я мало интересовался цветами и не сразу сообразил, о каких незабуд-

ках меня спрашивает эта смешная девчонка. Потом вспомнил об одной маленькой травке с голубыми лепестками и чуть не расхохотался:

— Да их у нас целый Мокрый луг.

— Вот хорошо-то, — обрадовалась девочка. — И вы мне покажете? Да?

— Сведу, — пообещал я ей.

— Вот хорошо-то, — еще больше обрадовалась она и как-то просто сообщила:

— Меня зовут Машей. Мы с мамой эвакуировались из Ленинграда.

Так Маша с мамой, эвакуированные из героического Ленинграда, стали жить под одной крышей со мной.

Вокруг нашей деревни, на лугах, в густом разнотравье, действительно было много цветов: пахучие ромашки, бело-розовые мягкие кошачьи лапки, лиловые колокольчики, на которые смотришь и ждешь, что они вот-вот нежно зазвенят; одуванчики-недотроги и незабудки, незабудки... Маша собирала только их. Букеты незабудок торчали на подоконниках нашего дома из консервных банок, из бутылок и даже из чайных стаканов.

В то время мне шел четырнадцатый год. Я умел пахать, косить и сено сушить. Как-то вечером я возвращался с работы. Маша прямо на крыльце вручила мне букет свежих незабудок и радостно сообщила:

— А мы сегодня получили письмо от папы.

Я пристально взглянул на нее и почувствовал, что страшно покраснел. Передо мной стояла словно бы незнакомая двенадцатилетняя девушка. Я тогда забыл даже об усталости и, держа букет в руках, не знал, что сказать.

— Спасибо, Маша, — наконец, прошептал я, не трогаясь с места.

С тех пор мы с Машей часто находились вдвоем. Читали из колхозной библиотеки книги, собирали цветы, ходили в лес за ягодами. Ее мать, Ирина Павловна, тоже работала в колхозе. Тяжело ей приходилось. В Ленинграде она была чертежницей на каком-то заводе, а здесь пришлось держать косу в руках. Через стенку не раз слышал, как она, порой, стонала, а Маша ласково уговаривала ее:

— Мама, мамочка, какой я земляники принесла... Нет, ты только попробуй.

После работы мне было как-то радостно возвращаться домой. Быстро и весело наколю для русской печи дров, принесу матери воды, напьемся с Машей парного молока и сядем на крылечко. Говорим все больше о книгах, об отцах, сражающихся с фашистами, о том, как хорошо будет жить после войны. А на деревню опускается тихий вечер, скрипнут запоздалые калитки и наступит тишина. Только и слышно, как за околицей, в Мокром лугу, где растут незабудки, поет свою однообразную песню коростель.

Скоро я узнал, что мальчишки и девчонки деревни прозвали Машу «Незабудкой», а меня Валькой Незабудкиным, хотя моя фамилия Железняков. Конечно, глупо, но я почему-то обиделся и обиделся не на того, на кого следовало бы. Попробуй в тринадцать лет не рассердись, когда то и дело слышишь:

— Эй, Незабудкин, пойдем купаться.

— Беги домой, там с букетиком ждут...

— Когда свадьба, кавалер?

— Ха-ха-ха... Хи-хи-хи...

Дело дошло до того, что мне не стали давать про-

ходу. Петьку Прохорова, рыжего, как осенний кленовый лист, даже пришлось поколотить за насмешки. Но и без Петьки вредных мальчишек у нас было предостаточно. Надо ли говорить, что тогда я почему-то возненавидел эти глупые цветы — незабудки и стал избегать встреч с Машей.

Однажды, после очередной на меня атаки мальчишек, явно подговоренных Петькой, я злой сидел на берегу Луговинки и думал свою мрачную думу. Вдруг, откуда ни возьмись, передо мной появилась Маша.

— Валя, ты не обижайся... Я все слышала, — тихо проговорила она.

В руках у нее был букет незабудок.

Я вскочил, и не помня себя, выхватил у нее букет, бросил его на землю и придавил ногой.

Маша испуганно отступила назад. Голубые глаза ее сразу же наполнились слезами.

Я вздрогнул от неожиданности. Неприятно кольнуло что-то в груди.

— Маша!

Она прыгнула в куст ромашек, росших на берегу, и побежала от меня, быстро выбрасывая вперед загорелые ноги.

— Ма-а-ша!..

Скоро толстый жгут черной косы скрылся из моих глаз. В это время вдаль гроыхнуло, и на небе появилась огненная трещина. Домой я возвращался уже под проливным дождем. В душе у меня было холодно и пусто.

Вечером я долго сидел на крыльце, ожидая Машу, но так ее и не увидел. А через несколько дней за нашими жильцами пришла машина, и они уехали неизвестно куда...

С тех пор я люблю незабудки. Разбросанные в травах, они поодиночке кажутся брызгами июльского неба, а собранные в букет, похожи на голубое пламя. Обращаться с ними надо очень осторожно. Нежные и хрупкие, эти цветы могут сломаться или завянуть от одного грубого к ним прикосновения.

В конце января

В конце января корреспондентские дела забросили меня в отдаленный Кленовский сельсовет. Ясным морозным утром шел я из деревни Епифаново в Горловку, где жил председатель колхоза «Утро». Дорогу успели накатать, и идти было легко и приятно. Навстречу мне попались две подводы, мчавшиеся во весь дух. В санях стояли краснощекие парни, неистово крутили вожжами над головой и ухарски гикали. Я едва успел отскочить в сторону.

Скоро я догнал густо заросшего медной щетиной старика в дубленом полушубке. Он стоял на дороге, склонив голову и разговаривая, по-видимому, с самим собой.

— Обратите внимание, дорогой товарищ, — произнес старик, — вот она, бесхозяйственность-матушка, — и он пнул что-то серое, чуть припорошенное сыпучим снежком. — Видите, мешок и мешок почти что новехонький. Эти краснорожие, что навстречу нам пронеслись, из саней выбросили.. Пашка Хрипов да Мишка Горюнов за овсом для свиней подались.

— Утеряли, небось, — высказал я предположение.

— Это все равно, — отрубил он. — Выбросили или утеряли — один черт. Вот оно, радение за общественное добро.

Гнев старика был, конечно, справедлив, но волноваться тут особенно нечего: мешок-то найден. Я сказал об этом.

— Ну, нет, — возразил он, еще раз пнув носком черного валенка мешок, — подбирать я не намерен. Не я терял, не я и в ответе буду.

Я внимательно взглянул на странного человека: шутит он или нет. Судя по его колючим глазам и дерзко выставленной из воротника медной бороденке, понял, что не шутит. Определить его возраст было довольно-таки трудно. На вид можно дать лет шестьдесят, а остриги, — может, сорока не наскребешь.

— Н-нда, вот она, бесхозность наша, — опять произнес старик, намереваясь продолжить путь.

— Но, позвольте... — остановил я его.

Старик, подумав несколько секунд и искоса взглянув на меня, нагнулся, подцепил заскорузлой рукави-

цей, словно крюком, мешок, сунул его под мышку, тихо чертыхнулся насчет бесхозности и решительно двинулся вперед.

— Не в мешке тут загвоздка, — пройдя шагов тридцать, заговорил он снова. — А во всем, можно сказать.

— Неужели?

— Решительно.

— А именно?

— Взять ферму к примеру. Видано ли, чтобы на зиму телятишек оставлять. Сено только сожрут. Раньше добрый хозяин ни одну лишнюю голову зиму кормить не стал бы. Подошла осень — нож в горло. Потом лежи зиму на печи да говядину жуй. Вот как раньше делали.

— Так ведь выгодно откармливать бычков и телочек, — начал разъяснять я своему спутнику. — Подрастут — больше затынут весом. Хорошие хозяева именно так и поступают. А с кормами, я слышал, у вас плохо.

— Зато на трудодни сена не дали, — опять рубит он, продолжая мерять зимнюю дорогу.

— Косить для своих коров каждому было разрешено.

Он остановился, удивившись, видимо, моей осведомленности, перебросил мешок под другую руку, спросил:

— Уполномоченный?

— Вроде того, — ответил я.

— А все же раньше на трудодни сена давали.

Больше мы не проронили ни слова. Только подходя к самой Горловке, мой спутник с какой-то неприязнью произнес:

— А вон и председатель у телятника стоит... Полторы тыщи рубликов получает.

Ивана Семеновича Подключникова я немного знал. Приходилось встречаться в областном центре. Это был только что вышедший из комсомольского возраста человек. Агроном по образованию, он по собственному желанию сменил канцелярию управления сельского хозяйства на живую практическую работу. Под его руководством хозяйство за один только год далеко продвинулось вперед. Подошли, поздоровались.

— Что ж это вы, Макар Денисович, опаздываете, — упрекнул Иван Семенович старика в овчинном полушубке.

— Не заведенный, чтоб сутками крутиться, — ответил тот и прошел в ворота телятника.

— Заведующий фермой, — пояснил Подключников и почему-то сплюнул. — Кстати, пройдемте туда. Маринке надо премию выдать. Маринка — это телятница наша, — с гордостью пояснил он. — Сорок шесть голов выпоила и, заметьте, ни одного падежа не было.

В телятнике было чисто, светло и сухо. В аккуратных беленых клетушках топталось, мычало и помахивало хвостами разномастное поголовье молодняка. По длинному коридору расхаживала девушка лет семнадцати в белом халате. Она раздавала корма, ласково поглаживая тянувшиеся к ведру влажные мордочки. Облокотившись на одну из переборок, стояла завфермой и отбивался заскорузлой рукавицей от ребивших его телят.

— Идолы, ножа на вас нет, — ворчал он.

— Ну, Марина Николаевна, выбирай себе премию, — сказал Иван Семенович девушке. — Согласно прошлогоднему решению один тебе полагается.

Маринка опустила черные ресницы, задумалась.

— Макар Денисович, которого отдаете? — взглянул председатель на заведующего.

— А мне все равно, — равнодушно протянул Макар Денисович. — Пусть берет хотя бы вот этого, — махнул рукавицей он в сторону белолобого весельчака. — Упитан в меру. Славная телятинка получится.

— Этого? — глаза Маринки как-то испуганно вскинулись на председателя. — Ведь я его... на печке в марте выхаживала.

— Ну, этого, — Макар Денисович указал на соседнего телка.

Маринка опять задумалась.

— Жалко? — спросил Иван Семенович.

— Жалко, — вздохнула она. — Его с пастбища мы принесли... чуть живой был...

— Беда мне с тобой, Маринка, — сказал Иван Семенович.

Маринка обошла весь телятник, постояла у каждой клетушки, потом решительно приблизилась к нам и вдруг опять потупила голову.

— Ну?

Она отрицательно покачала головой.

— Деньгами возьмешь? — спросил Иван Семенович.

— Спасибо, — в серых глазах девушки были облегчение и благодарность.

— Это тебе спасибо, — улыбнулся председатель. — Я знал, Маринка, что ты так и поступишь. Колхозу этот телок пригодится: на откорм поставим. Верно, Макар Денисович?

Макар Денисович посмотрел на Маринку и почему-то неодобрительно крикнул.

— Вы не смотрите, что Маринка такая тихая, — сказал председатель, когда шли в правление. — Она настойчивая. И опыт имеет: два года до телятника дояркой работала. Ах, как любит свое дело. Много у нас таких людей.

В этом я убедился через два дня, когда присутствовал на колхозном собрании.

В клубе было столько народу, что повернуться нельзя. На передних скамьях степенно расположились пожилые колхозники. Подальше — средних лет мужчины и женщины, а еще дальше, у самых дверей, что называется, зеленая молодежь. Даже школьники, просочившиеся сюда каким-то образом, вытягивали шею из-за крутых плеч парней.

Председатель делал доклад. Его слушали внимательно. Между прочим, он сообщил, что в этом году колхоз надеется получить доход в миллион рублей, а на каждый трудодень дать не менее десятки.

— Пообещают — десятки, а до дела дойдет — гладки-взятки, — вдруг услышал я впереди себя знакомый голос.

Всмотрелся. Макар Денисович, чуть навеселе, щурит масляные глазки.

— И еще, товарищи, чтобы не было никаких нареканий, недоверия, — закончил Иван Семенович, — установите мне зарплату трудоднями, сколько правление положит.

С председателем многие не соглашались.

— Нам и двух тыщ не жалко для вас, Иван Семенович, — крикнул высокий бритый старик. — Только работай, как следует, руководи, одним словом.

Поднялся шум. Кто-то высказал пожелание, чтобы Подключникова закрепили председателем за «Ут-

ром» навечно. Когда все уgomонились, собрание начало решать другие дела. Их было много. Между прочим, по предложению правления, сняли Макара Денисовича с должности заведующего Горловской фермой, а на его место назначили Марину Николаевну Глазкову, работающую телятницей.

Председательствующий несколько раз стучал карандашом по графину, призывая к вниманию. Наконец, он, видимо, устал, переглянулся с другими правленцами и сказал:

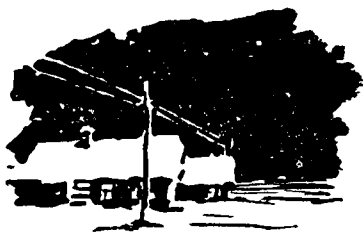
— Товарищи, прежде чем объявить перерыв...

— Сейчас Спутник над нами пролетит, — вдруг перекрыл его чей-то звонкий голос.

У входа образовалась давка. Пришлось открыть запасную дверь.

К Горловке, со стороны Сухоны, по ясному небу летела яркая искра. Она хорошо была различима среди россыпи звезд. Летел Спутник.

Не смотрел на него, кажется, только Макар Денисович. Он сидел один в накуренном клубе, опустив голову. Спутнику тоже не было абсолютно никакого дела до Макара Денисовича. Он летел высоко, все вперед и вперед по заданной ему орбите.

Трудный рейс

Телефонограмма была краткой, тревожной и предельно ясной: «На лесоучастке Кокшеньга кончилась мука. Люди работают не евши. Выручайте. Хохолков».

Федор Евгеньевич Прошутинцев, начальник орс леспромхоза, два раза прошелся по кабинету. Под тяжелыми шагами уныло проскрипели разошедшиеся половицы. «Ах, черт, в собственном кабинете нет времени порядок навести, — поморщился он. — Закрутился...».

Прошутинцев, действительно, последнее время работал много. В молодом леспромхозе со сказочной быстротой росли все новые и новые лесоучастки. Их надо снабжать продуктами и промтоварами, открывать магазины, строить пекарни. Федор Евгеньевич безустали звонил в трест, требовал, просил, грозился... И все, кажется, помаленьку устраивалось, утрясалось.

Сегодня начальник орс отдыхал. Первый раз за последний месяц. Отдыхал, наслаждаясь бездельем и тишиной, отказавшись идти с женой даже на самую спокойную картину последних лет — «Девушку без адреса». Он лежал на кушетке и, кажется, даже ни о чем не думал... И вдруг телефонограмма, которую принесла сторож тетя Поля.

Федор Евгеньевич еще раз прошелся по кабинету. Тетя Поля, стоявшая у порога, кашлянула и взялась за ручку двери.

— Да, Полина Афанасьевна, вызовите, пожалуйста, заведующего складом. Немедленно. И... шофера, какого найдете или встретите.

— Сегодня же выходной, — возразила тетя Поля. — С огнем не сыщешь...

— Хоть из-под земли, но достать надо, — твердо подчеркнул Прошутинцев. Тетя Поля вздохнула и вышла из кабинета.

Через час в кабинет начальника вошли Иван Косов, завскладом, и Петр Ягодкин, или Петька-шофер, как его звали в леспромхозе. Их обоих тетя Поля захватила в переполненном клубе, под самым экраном, где они блаженствовали среди ребятишек. Петька-шофер вступил было в пререкания с тетей Полей — кому же охота уходить, не узнав, найдет ли парень любовь свою, — но вынужден был уступить.

Федор Евгеньевич, не сказав ни слова, подал телефонограмму Ивану Косову. Тот прочитал, понимая произнес «М-да» и передал тетрадный лист Ягодкину... Петька-шофер бегло пробежал ее одним глазом, недоуменно пожал плечами и взглянул на обратную сторону: но там не было написано ни одной буквы.

— Понятно, зачем вас вызвали? — спросил Прошутинцев, взглянув на обоих.

Иван Косов кивнул головой.

— Мне — нет, — недружелюбно ответил Петька-шофер, догадываясь о том, что ему предстоит.

— Поясню, — Федор Евгеньевич присел на краешек стола, отчего стол как-то надсадно скрипнул. — Понимаешь, кокшенигцы не дотянули с продуктами до санного пути. Морозы что-то подзапоздали. Река встала, катеру уже не пройти. А чтоб работать, надо есть... И вообще...

— А вы знаете, что только третий день подмораживает, — заметил Петька-шофер, искоса глядя на карту леспромхоза, на которой в гуще дремучих лесов терялась едва заметная черная точка.

— Знаю, но проехать надо, — Прошутинцев подошел вплотную к Ягодкину и посмотрел ему в глаза.

Петька-шофер отвернулся, но не оттого, что боялся начальства, нет. Это был представитель той части бесконтрольной шоферни, во владения которой редко заглядывает автоинспекция. Сегодня от него просто немного пахивало. Пусть в выходной день, но зачем же об этом знать начальству.

— Не поеду, — произнес он, тряхнув свесившимся из-под шапки рыжим чубом, и добавил: — Не имете права.

— Право тут ни при чем. Я вас прошу... Сам бы сел

за баранку, да не умею ее крутить. Вы же — мастер этого дела, — Федор Евгеньевич положил руку на плечо шоферу.

— Так ведь выходной, — начал сдаваться Ягодкин.

— Дадим отгул.

— Ладно, — согласился Петька-шофер и, не противившись, вслед за Иваном Косовым медленно вышел из кабинета.

...Когда Ягодкин выехал из леспромхоза, было уже четыре часа вечера. Задержала погрузка. Он прикинул, что к шести-семи часам будет в Кокшеньге, переночует, а утром вернется обратно. Но дорога оказалась намного хуже, чем он предполагал. Это был зимний лесовозный путь. По нему машины и тракторы вывозили с лесоучастка Кокшеньги на станцию лес. Зимой дорогу поливали, и весь сорокакилометровый путь громоздкие сани с хлыстами легко скользили по обледенелым желобам.

То зимой, а сейчас...

Уже на полпути Ягодкин израсходовал весь запас отборных ругательств, на которые был большой специалист. Он клял начальника орс, себя, что поддался уговорам, что не надел на колеса цепи, недобрым словом поминал кокшеньгцев, которые, как ему казалось, слишком много едят и мало работают. Особенно доставалось дороге и дорожникам.

Проклятая дорога! Рытвины, ухабы, утыканные переломленным пополам колодником полусгнившего настила, представляли сущее бедствие для машины. Осенью все эти колдобины заполнялись жидкой грязью, а теперь были скрыты мерзлой коркой. Кажется, что выдержит земля, а сунешься — вставай на зимовку, жди, когда тебя снимет трактор. Колеса буксуют, за-

рываются в землю до дифера. Да и стороной их не объедешь: справа и слева вплотную к дороге подступает темный, как ночь, и частый, как костяной гребень, упругий двадцатиметровый сосняк.

Ягодкин то и дело вылезал из теплой кабины трехтонки, осматривал опасные места, ковырял землю: выдержит ли? Но промерзла она еще плохо, на какие-нибудь полштыка лопаты. Шофер поправлял брезент, прикрывавший в кузове мешки с мукой, вновь залезал в кабину, нажимал на стартер, включал скорость и, разогнав трехтонку, бросал ее навстречу опасности. И сколько раз эта дерзость выручала его! И Кокшеньга, эта маленькая черная точка на леспромхозовской карте, все приближалась и приближалась...

Но вот уже почти в конце пути машина на полном ходу как-то странно вздрогнула и резко остановилась. Шофер ударился грудью о руль и инстинктивно выжал газ доотказа. Надсадный рев мотора стократным глухим эхом отозвался в вершинах столетних сосен. Ведущие колеса забуксовали и, взломав мерзлую корку земли, все глубже и глубже зарывались в мягкий грунт. Ягодкин понял, что раскачивать машину бесполезно, чертыхнулся и вылез из кабины.

Морозец крепчал. С неба некстати посыпалась снежная крупа; она дробно ударялась о твердую поверхность дороги, подпрыгивала и скатывалась в глубокие колеи. Темень вокруг — глаз выколи. «Если подует ветер, быть пороше, — мелькнуло в голове Ягодкина. — Это хуже: скроются от глаз предательские рытвины. Что же делать?»

Шофер сбросил ватник. Слазил под машину. «Всего какой-то паршивый метр не дотянул. Надо попытаться», — решил он. Ягодкин приподнял домкратом

задний мост, подкопал под колесами. Когда он стал подсовывать хворост под баллоны, трехтонка неожиданно сорвалась с домкрата и силой всей своей тяжести вдавила левую руку в землю. Водитель дернулся всем телом от страшной боли, но не закричал, а как-то надсадно ойкнул и чуть не потерял сознание.

Ягодкин мучительно пытался освободить руку, но ему это не скоро удалось. Боль сначала не позволяла сделать ни одного движения, потом она начала затихать, а сердце шофера вновь стало наливаясь неприязнью ко всем, кто был прямо или косвенно виновником этой трижды распроклятой поездки. Наконец, резко дернувшись, он освободился от смертельного рукопожатия. Включил фары, при их свете осмотрел пальцы, пробовал ими шевельнуть — немножко получалось.

Привалившись к закиданному грязью крылу машины, водитель немного отдохнул и опять взялся за домкрат... Он был очень зол и настойчив, этот кареглазый леспромхозовский шофер.

... В восемь часов утра лесозаготовители Кокшеньги, как всегда перед уходом на делянки, собирались у конторы. В это время их внимание привлек выползший из леса, вплотную подступавшего к поселку, грузовик. Машина медленно подкатила к сосновому домику и сразу же была окружена рабочими. Кто-то уже лез под брезент, кто-то открывал дверцу кабины...

— А ну, покажите мне этого героя, — вдруг раздался голос начальника лесопункта Терентия Хохолкова, бородатого мужчины лет пятидесяти.

Ягодкин нехотя вылез из машины и, стоя у подножки, исподлобья смотрел на окруживших его людей.

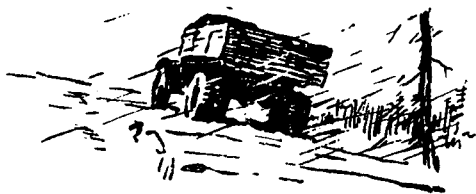
— Ах, мать честная, проехал, а... Молодец! А мы,

грешным делом, приготовились еще недельку одними крупами харчиться. Ну, большое тебе от всех нас спасибо, — и Терентий Хохолков крепко пожал руку водителя. Затем его руку пожали мастер леса Николай Костров, раскряжевщик Никита Волков, электромеханик Семен Плахин... И по мере того, как к водителю подходили с добрыми улыбками эти простые и мужественные люди, сердце его, задубелое от ожесточения, казалось, оттаивало. На усталом лице появилась теплая улыбка.

— Ну, вторую руку мне еще испортите, черти, — добродушно-грубовато говорил он, пробираясь в контору.

Через пять минут Ягодкин уже кричал в телефонную трубку:

— Кто это говорит?.. Федор Евгеньевич?.. Ага... Порядок. Отгул? Ну нет. Через час выезжаю обратно. В случае чего — вышлите трактор...

Встреча НА ПУСТЫРЕ

I

Поселок Сосновый делился на две части большим пустырем, изрытым и заваленным кучами строительного мусора. Летом пустырь буйно зарастает репейником, крапивой и чертополохом. И единственными обитателями его бывают проказницы-козы, которые выходят из зарослей сплошь увешанные плодами этих проклинаемых поселковыми жителями растений.

Зимой, для сокращения пути, по пустырю натапты-

вается тропинка. Но ею пользуются только в дневное время. Как-то жутковато ходить здесь поздними зимними вечерами, а особенно ночью. Холодный ветер больно бьет по лицу, грубо хватает за плечи, силясь свалить с ног. Раскачиваются сухие будылья репейника, словно пики волшебного вражеского войска. Изредка в зарослях жухлой крапивы тоскливо пискнет мышь-норушка, затем скроется под снегом — и опять ни одного живого звука.

В один из таких метельных вечеров по пустырю шла Елизавета Лавровна Казакова, народный судья и депутат Сосновского поселкового Совета. Она проводила в клубе беседу с избирателями, задержалась и теперь, то и дело оступаясь в снег по колено, спешила на станцию, чтобы с последним поездом уехать домой в райцентр. Порывистый встречный ветер теребил концы пухового платка Елизаветы Лавровны. Выбившаяся из-под платка седая, залепленная снегом прядь волос неприятно щекотала лицо. А впереди — темная муть ночи. На столбах, выстроившихся по окраинам пустыря, не горела ни одна электрическая лампочка; их еще с осени перебили из рогаток поселковые недо- росли.

Елизавета Лавровна шла и думала о недалеком будущем этого пустыря. Он представлялся ей совсем иным: залитым множеством электрических огней, отражающихся в холодном зеркале. Ей уже казалось, что она слышит стук хоккейных клюшек и веселый смех катающихся на коньках ребят и девчат. Она добилась, чтоб с весны здесь началось строительство стадиона. Об этом Казакова не забыла сегодня сообщить своим избирателям.

Погруженная в эти думы, Елизавета Лавровна не

заметила, как оступилась и оказалась в яме, запорошенной снегом вровень с краями. Мгновенно валенки ее наполнились неприятным холодком. Одна варезка глубоко застряла в снегу. Как ни искала она ее в этой неумышленно расставленной предприимчивыми глинокопателями ловушке, но найти не смогла. «Занесла нелегкая», — прошептала Елизавета Лавровна, стараясь выбраться из ямы и прислушиваясь к глухим паровозным гудкам, доносящимся со станции. Яма оказалась на редкость глубокой. Казакова взглянула вверх и увидела, что оттуда на нее смотрит кто-то большой и темный.

— Руку! — вдруг раздался над ее головой приказ этого темного.

Елизавета Лавровна протянула иззябшую левую руку вверх и в ту же секунду слабо ойкнула: ее пальцы словно бы стиснули шероховатые металлические клещи.

— Благодарю вас, — сказала судья, почувствовав под ногами тропу. — Надо бы снег из валенок вытрясти... Вы меня подождите: ведь нам, кажется, по пути.

— Ну, ну, вытряхивайте... Елизавета Лавровна, если не ошибаюсь, — услышала Казакова грубоватый мужской голос. Она старалась рассмотреть стоявшего рядом человека, но кроме поднятого воротника полупальто да сдвинутой на затылок шапки ничего не могла увидеть.

— Долго ждал встречи, а еще минутку подождать могу, — продолжал между тем мужчина.

— Ходров? — вдруг вздрогнула Елизавета Лавровна, мгновенно позабыв о валенках, в которых уже начал таять снег.

— Он самый, — зло усмехнувшись, как показалось судьбе, подтвердил мужчина.

Елизавета Лавровна инстинктивно отступила назад, мысленно перенесясь в недалекое прошлое... Ее маленькие кулаки сжались так, что хрустнули пальцы. Но что она могла ими сделать с этим могучим и темным человеком, который когда-то пообещал встретиться с ней на узенькой дорожке.

II

Почти в каждом рабочем поселке есть или были такие ухари-молодцы, которым иногда, как говорят, море по колено. Вокруг них, порой, увивается несколько молодых парней, считающих «геройством» бить стекла в квартирах и сквернословить в клубах. Если их вовремя не одернуть, не остановить, то это обычно для них кончается плачевно.

В Сосновом Женька Ходров и был именно таким. На лесопилке, где работал Ходров, частенько можно было слышать:

— Хулиганит парень.

— Почему милиция не возьмется за него?

А некоторые просто отмахивались:

— Пускай. Женится — остепенится.

Подружки Нюшки Удальцовой, за которой Ходров приударял, удивленно спрашивали ее:

— И не страшно тебе, Нюшка?

— А чего бояться-то? — смеясь, в свою очередь задавала вопрос она.

— Да ведь пьет... Как жить-то с таким будешь?

— И не собираюсь.

Но, придя домой, Нюшка частенько задумывалась

о своей дружбе с Женькой. Ей он нравился. Она все время собиралась с ним серьезно поговорить, но так и не собралась. И Женька Ходров докатился до скамьи подсудимых. А произошло это так.

Однажды в клуб во время танцев прорвалась группа Женькиных дружков. Во главе их — Ходров.

— Нашу! — рявкнул он гармонисту, осаживая руками голенища хромовых сапог.

— Нынче ваших здесь не играют и не танцуют, — подойдя к нему, сказал невысокий веснушчатый парнишечка.

Он это сказал очень спокойно, но и очень твердо. Женька даже опешил сначала, а потом расхохотался:

— Ха-ха-ха... Ай, моська... Ха-ха-ха...

Но он смеялся напрасно. После того, как в его защиту дружки хотели пустить в ход кулаки, им всем пришлось скатиться по ступенькам лестницы. Хотя это было и невысоко, но страшно обидно. После этого они сходили в дежурный магазин и повторили нападение на клуб. А потом...

Суд заседал при переполненном зале того клуба, где и произошла вся эта печальная история. На скамье подсудимых Ходров держал себя нагло, сидел нога на ногу, щурил карие глазки, как бы говоря: «Посмотрим, что из вашей затеи получится».

Один за другим проходили свидетели. Невысокий веснушчатый парнишечка вышел вперед и доложил так:

— Да, Ходров бил стекла, ругался, бросился на меня с ножом... Мне его за это просто жаль...

Он это сказал тихо и как-то печально. Но слова его неприятно задели подсудимого.

— Брехня все! — выкрикнул Ходров. — А вы, ма-

маша, кончайте канитель. И учтите, что не век мне сидеть придется...

«Неужели это конченный человек? — думала Елизавета Лавровна в совещательной комнате. — Он даже не осознал своего преступления... Нет. Ведь ему только двадцать лет. Но мой долг оградить общество от хулигана. Там займутся его воспитанием...».

Когда зачитали приговор, подсудимый вздрогнул, словно ударенный плетью.

— Пять лет...

Но он вспомнил, что надо «держать фасон» до конца и деланно веселым голосом крикнул:

— До скорой встречи, судья!

III

... И вот они встретились.

Елизавета Лавровна пристально вглядывалась в стоявшего напротив мужчину, и мысли одна за другой проносились в ее голове: «Совершил побег... Специально шел сзади по пустырю... Кричать? Но какой смысл? Кто услышит твой голос в такую заваруху?..»

— Испугались?

Ходров отогнул воротник полупальто и подставил ветру круглое лицо с чуть вздернутым носом. Руки его были по-прежнему в карманах.

— Ничуть, — овладев собой, спокойно ответила Казакова. — Я просто рада за вас.

— Вы правы. Пятигодичный «вуз» окончил за три года, — тихо произнес Ходров и задумчиво добавил: — В этом учебном заведении учат основательно, на всю жизнь... В клубе вас сегодня слушал..

— А все же в валенке что-то многовато снегу на-

бралось, — вспомнила вдруг судья и, опершись на левую руку Ходрова, сняла один валенок.

— Вытряхивайте его оттуда скорей, Елизавета Лавровна. Я вас до станции провожу. Ведь нам, действительно, теперь по пути...

Людмила СЕРГЕЕВНА

I

Она была очень уравновешенная женщина. Никогда не нервничала, не терялась, как некоторые молодые врачи. Предупредительная с сестрами, ласковая с заболевшими детьми, она нравилась всем, кто ее знал или хотя раз с нею встречался. Одним словом, Людмила Сергеевна относилась к тем людям, которые при пер-

вой же встрече завоевывают ваше доверие. С ней было легко работать, особенно во время ночных дежурств. Получив вызов, она быстро собирала медицинскую сумку и шла к ожидавшей у подъезда машине. Вернувшись с какой-нибудь дальней окраинной улицы, молча ставила ту же сумку на стол, садилась и скорей всего себе, чем сестре, говорила:

— Ну вот, теперь ребенок будет жить.

Одно только не нравилось сестрам в Людмиле Сергеевне: врач была неразговорчива. Злые языки (без них, кажется, не обходится ни одно учреждение) говорили, что у Людмилы Сергеевны неудачно сложилась жизнь, что кто-то кого-то бросил и т. п. Но толком никто ничего определенного сказать не мог. Одно было всем известно: молодая красивая женщина была не замужем.

— Столько мужчин увивается, а она — ноль внимания, — частенько повторяла старая нянечка Варвара Семеновна. — Ведь так бабе и засохнуть недолго... Не пойму я нынешних девиц.

Впрочем, в глаза Людмиле Сергеевне ничего подобного никто не говорил. Да она и не нуждалась, вероятно, в советах. Жила, как могла, работала, как умела. Прислушиваться к сплетням было некогда да и неинтересно. Любила оставаться наедине. А кто остается по своей доброй воле один, у того, видимо, есть о чем подумать.

Вот и сегодня Людмила Сергеевна осталась одна, если не считать находящейся за фанерной стенкой сестры, дежурившей у телефона. Было два часа ночи. Людмила Сергеевна сидела, задумавшись. Вдруг за ее спиной мягко скрипнула дверь, как умеют скрипеть, кажется, только двери в медицинских учреждениях.

— Есть вызов, Людмила Сергеевна, — сказала сестра, подавая заполненный синими чернилами форменный бланк. — Должно быть, что-то серьезное. У ребенка, передают, очень высокая температура.

— Давайте, — спокойно произнесла Людмила Сергеевна, вставая. — Так, улица Героев Арктики... дом тринадцать...

Вдруг бумажка выпала из руки и плавно опустилась на пол. Когда сестра подняла ее и взглянула на Людмилу Сергеевну, то не узнала своего врача. Перед нею было залитое бледностью лицо, спобелевшими вздрагивающими губами и расширенными серыми глазами.

— Что с вами, Людмила Сергеевна? — испуганно спросила сестра. — Вы больны?

— Нет, ничего... сейчас пройдет, — тихо ответила она, отстраняя сестру.

— На вас же лица нет.

— Скажите лучше, кто звонил?

— Родители.

— Мужской или женский голос? — так же тихо спросила Людмила Сергеевна.

— Видимо, отец.

— Машина готова?

— Да.

— Я поехала, — спокойно сказала Людмила Сергеевна, ровной походкой направляясь к выходу.

Сестра, проводив ее взглядом, недоуменно пожала плечами.

... Улица Героев Арктики была на другом конце города. Старенький «Москвич» с красным крестом на ветровом стекле вот уже десять минут бежал по асфальтированной струне, вырывая фарами из тьмы багряные клены и низенькие деревянные домики. Под ши-

нами шуршали опавшие листья. В машине, под матовым стеклом плафона, мигал электрический свет... Молоденький шофер Иван Иванович то и дело косился на врачиху, как он называл Людмилу Сергеевну.

В руках Людмила Сергеевна держала форменный бланк, в котором синими чернилами были заполнены положенные графы: «... Улица Героев Арктики... дом 13, Саша Макаров... пять лет...».

Подкатив к серому двухэтажному дому с резным балконом над невысоким открытым крылечком, «Москвич» скрежетнул тормозами.

— Приехали, — сообщил Иван Иванович.

— Знаю, — не взглянув на водителя, ответила Людмила Сергеевна.

Подойдя к двери, она дотронулась до кнопки электрического звонка. Было слышно, как во втором этаже скрипнула комнатная дверь, и чьи-то тяжелые каблуки торопливо гроыхнули вниз по деревянным ступенькам.

— Ах, доктор, пожалуйста...

«Он», — узнала Людмила Сергеевна.

— Вверх и направо... Разрешите вашу сумочку...

«Ни в коем случае не подавать вида... при той...». Людмила Сергеевна, медленно отсчитывая ступеньки, мысленно представила себя уже там, наверху, в квартире, одна из комнат которой сплошь заставлена книгами, а во второй, побольше, на стене висит огромный ковер с причудливыми золотыми узорами на черном бархате.

«В первой комнате мало что изменилось за эти... шесть лет... Разве что книг прибавилось», — зайдя, отметила Людмила Сергеевна.

— Где же ваш... сын, Сергей Петрович?

Мужчина, шедший впереди, остановился, несколько секунд что-то, видимо, вспоминал, а потом тихо, одними губами, прошептал:

— Люда... Людмила Сергеевна, вы?..

Она ничего не ответила и прошла в спальню. В ней никого не было, кроме больного ребенка, лежавшего в детской кроватке. На стене, у кровати, висел ковер с причудливыми золотыми узорами на черном бархате. «Тот самый, привезенный в пору студенчества с практики из Монголии»... Людмила Сергеевна присела на стул, придвинутый предупредительным хозяином, и взялась за ручку ребенка.

Пульс едва прощупывался. В Саше Макарове, пяти лет, еле-еле теплилась жизнь. Он лежал, подвернув одну ручку под подушку, а другую откинув в сторону. Лицо его было бледное, глаза полузакрыты. На тоненькой шейке чуть заметно вздрагивала синенькая жилка.

— Папа... папочка, — вдруг раздался тихий стон ребенка.

— Дайте больше свету, — тихо приказала Людмила Сергеевна.

Сергей Петрович включил лампу-переноску. Врач, не торопясь, сделала ребенку укол и устало откинулась на спинку стула. «А как он на него похож... Тот же упрямый лоб, прямой нос, короткий подбородок и плотно сжатые губы — губы настойчивого человека...».

— Скажите... Людмила Сергеевна, это... серьезно? — слышался за ее спиной тревожный приглушенный голос.

— Не буду от вас скрывать: очень. Да, а где... мать ребенка.

Минуту длилось молчание. Людмила Сергеевна по-

вернулась. Сергей Петрович стоял у противоположной стены, держа руки за спиной. Голова его была опущена, свесившаяся прядь волос бросала на лицо тень, похожую на неширокую траурную ленту.

— Давно? — тихо спросила Людмила Сергеевна.

— Скоро год.

— А вы все время в разъездах, в экспедициях?

— Участь геолога. Правда, вот уже полгода сижу в управлении. Обстоятельства...

— Кто же присматривает за сыном?

— Бабушка днем приходит. Моя мама.

«Добрая старушка, правда, немного ворчливая. Ко мне она относилась, кажется, хорошо. В пору нашей студенческой дружбы она как-то не то в шутку, не то всерьез сказала: «Скоро у нас свой врач будет, только жаль, детский». А потом, когда Сергей закончил институт и уезжал в первую экспедицию, она все тем же добродушно-шутливым тоном заметила: «Не отпускай ты, Людочка, его надолго. Найдет он там себе какую-нибудь кралю»... Сбылись, Елизавета Ивановна, твои пророческие слова...».

— А у вас, Людмила Сергеевна, есть... семья?

Этот вопрос вывел врача из задумчивости, хотя Людмила Сергеевна вначале не поняла, о чем ее спрашивают.

Сергей Петрович по-прежнему стоял у стены и смотрел ей прямо в лицо.

— Извините, — не дождавшись ответа, наконец, произнес он.

— Включите электроплитку, — приказала Людмила Сергеевна. — Надо сделать еще укол.

«Неужели ему не ясно, что у меня нет семьи лишь только потому, что она есть у него, — думала Людми-

ла Сергеевна, сидя над кроваткой ребенка. — Хотя теперь и у него только полсемьи...».

Почти целую ночь Людмила Сергеевна не сомкнула глаз. Все это время не спал и Сергей Петрович. К утру кризис миновал. Саша задышал ровнее, на личике его появился румянец.

— Ну вот, теперь ваш сын будет жить, — облегченно вздохнула Людмила Сергеевна, собираясь уходить.

Сергей Петрович проводил ее на улицу. Прежде чем Людмила Сергеевна села в машину, он тихо спросил:

— Вы придете еще... к нам?

— Теперь, кажется, не обязательно.

Сергей Петрович отрицательно покачал головой. Людмила Сергеевна пристально посмотрела в его глаза — грустные, чуть усталые, полные затаенной муки и ожидания.

— Тогда, может, разрешите прийти... к вам... с сыном?

— С понедельника я работаю с утра, — ответила Людмила Сергеевна и почувствовала, что может почему-то вот-вот разрыдаться.

Конец легенды

Дорога долго петляла меж заснеженных, словно забинтованных, елок и сосенок. Наконец, она вырвалась на равнину. Если в лесу было сравнительно тепло и тихо, то здесь вовсю куролесила разгульная февральская метель. Конь, перешедший с рыси на шаг, повернул голову вправо и запрядал ушами. Он словно прислушивался к дикой песне природы.

Наш возница, семидесятилетний старик, похожий

в своем лохматом тулупе на обомшелый пень, оглянулся в ту же сторону, куда смотрел конь, и, ткнув кнутовищем в снежную муть, произнес:

— К Каменному Степану подъезжаем... Недалече осталось...

В той стороне, куда показал он, словно через застиранную марлю, вырисовывались очертания какого-то большого темного предмета, смутно напоминающего былинного богатыря.

Мы недоуменно переглянулись.

— Э-э, да вы ведь нездешние,— протянул дед.— Не в курсе, как говорится... Ну, коль зайкнулся, поясню.

Дед придвинулся к нам, высвободил из воротника порывевшую бороду и произнес:

— Давно это было... Не на веку моем, не на веку моего отца, а статья, и не на веку моего деда... Место, по которому мы сейчас командирujemy, — гиблое болото. На этих толях, сказывали, ведьмы шабаш справляли, а на окраинах в страхе и нужде вековали наши мстишинские мужички. И жил вот, значит, в деревне Мстишино один мужик, Степан по имени... Невысок был, а силенку, надо заметить, имел преогромную. Как-то встретил он в лесу медведя. Нос к носу сошлись. Труса не праздновал Степан, нет. Выхватил топор из-за пояса, размахнулся и тюкнул косолапого между глаз...

— Да-а, крепок был, а жил худо, — грустно произнес наш возница и на какое-то мгновение задумался. — Оно и понятно, землицы-то — кот наплакал, а едоков в семье — семь ртов. Ну, известно, хлебушка своего хватало только до первых вьюг... Да и все здесь так жили. Земля к тому же кругом мертвая, родила плохо. Возьмешь ее на ладошь, а она скользит меж паль-

цев жидкими струйками, что та вода. А кругом — лес да болота, болота да лес...

Спокон веков мстишане воевали с этими заклятыми врагами, но хоть клоч земли отнять не могли. Что сделаешь темным умом да одним горбом. По вечерам жгли лучину да скребли в затылках... Думали. Которые сумели перезимовать, считали себя страшно хитрыми.

Не сдавался один Степан. От зари и до зари рубил лес, корчевал пни, рыл канавы, отводил воду... Ведро вычерпывал зеленую жижу. Силушки положил уймищу. Потом окропил грешную землю. Но вот, когда работа к концу придвинулась, заметил, что опять затоплять участок начало. Из соседнего болота сырость хлынула... Закрыв глаза Степан и ничком упал на желтый мох. Когда поднялся, то увидел, что от его клочка земли и следа не осталось. Плавают поверх зеленая плесень, клюквенные кочки да смолистые щепки, что те слезы...

Надо сказать, что Степан в те поры крепко в бога веровал. Вот он и взмолился на маячившую вдалеке маковку церквушки:

— Господи, хоть разок помоги!..

Но от бога было помощи столько, сколько мстишинские бабы получали молока от козла... Тогда Степан дико крикнул да так и остался стоять окаменев. От лютой злобы на темные силы крепости в нем в десять раз прибавилось. Днем он стоял камень камнем, зато ночью лютовал. Когда жутко стонал лес, трещали сучья, выворачивались в бурю ели с корнями, в деревне тихонько переговаривались: «Каменный Степан осушает землю...» Вот что старики сказывали...

Когда возница умолк, мы стали искать глазами Каменного Степана. Но новая волна снежной пыли закрыла все от нашего взора. Очевидно проехали, думалось нам. Но каково было удивление, когда через минуту дед остановил коня рядом с каменной глыбой, смутно виденной нами до его рассказа.

— Крюк небольшой дали, — пояснил возница. — Прямо-то нельзя, водоотводный ров пролегает.

Мы вышли из саней и приблизились к огромному валуну, потрескавшемуся от времени и обросшему с северной стороны серым мхом. Сходство с человеком он имел поразительное. Даже вместо рук выдавались в стороны толстые кривые отростки.

— Ну, а ты, дед, веришь, что нет никого на свете сильнее темных сил, — заикнулся кто-то из нас, но не закончил вопроса.

Возница ловко смахнул рукавицей снег с южной стороны камня и хитровато подмигнул нам:

— Вникайте.

На валуне ровными буквами было высечено: «Участок отвоёван у леса и болота комсомольско-молодежной бригадой МТС и колхоза».

БЕЗ СОЖАЛЕНИЯ

Чулки всегда рвутся тогда, когда им не следовало бы рваться. Носишь, надеешься, а они возьмут да и спустят петлю в самый неподходящий момент. Вот и на моих паутинках, когда я собиралась в субботу вечером в клуб, неожиданно появилась белая полоска, словно бы по ноге от колена и до пятки провели тонким кусочком мела. Сначала я ужасно расте-

рялась, так как запасных чулок у меня не было, а потом решила бежать в ближайший галантерейный магазин.

Магазин закрывался в восемь. В моем распоряжении оставалось ровно двадцать минут. Неудивительно, что я очень спешила, а поэтому то и дело сталкивалась с встречными прохожими. Должно быть, у меня был такой озабоченный и расстроенный вид, что мне никто не пытался даже сделать замечание. И только один высокий старик с палкой в руке, когда я уперлась головой в его грудь, заметил недовольно: «Ошалела девчонка». А другой, шедший рядом, успокоил его: «Весна, Митрич, весна».

А весна, действительно, в этом году была хороша: упряма, настойчива. В марте уже так припекало солнце, что снег убывал прямо на виду. Но к вечеру все-таки подмораживало. Застывали лужи около тротуаров, а у стен домов, где капало с крыш, появились блестящие кружочки, похожие на большие серебряные монетки.

На одном из таких кружочков я поскользнулась и упала. Вгорячах попыталась сразу же встать, но не смогла: почувствовала острую боль в колене. Вот тут-то и подошел ко мне он, помог подняться и, держа меня под руку, участливо спросил:

— Очень больно?

— Нет, — ответила я, хотя мне было и больно, и смешно. Бывает же такая смешная боль.

— Идти можете? Скорую помощь не нужно?

— Могу, не нужно, — ответила я, взглянув на него.

Он был в сером пальто с таким же серым широким ремнем, на голове серая кепка с коричневыми веснушками, высокий и, кажется, симпатичный.

— Одни вы идти, вероятно, не в состоянии, — сказал мне молодой человек. — Я вас провожу. В вашем положении отказываться бессмысленно. Итак, идемте.

Он не отпустил мою руку. Я опять взглянула на него, и мы пошли.

— В которой стороне вы живете? — спросил он.

— Я иду в магазин, — ответила я.

— Если купить чулки, то уже поздно. Только что закрылись все промтоварные.

— Откуда вы знаете? — удивилась я.

— Так ведь чулок-то вы порвали, — улыбнулся провожатый.

— А-а, — вырвалось почему-то у меня.

— Не смущайтесь. Никому ваш чулок не виден. На улице темнеет.

Я не заметила, как мы повернули обратно и пошли по самой оживленной улице города. Забыла, о чем мы тогда говорили, но помню, что он спросил, как меня звать.

— А вас? — спросила я.

— Э, нет, вопросом на вопрос не отвечают, — засмеялся он, показывая ровные белые зубы.

— Хорошо, пусть буду я Таней.

— Отличное имя. А мое — Павел. В детстве звали Пашкой.

В это время мы проходили как раз мимо кинотеатра. Какой-то юркий мальчишка в узких брючках подскочил к нам и заговорщически прошептал:

— Есть два билета. На очередной.

В это время по улице уже проходили последние редкие прохожие. К остановке подошел мой автобус, и я поспешила к нему.

— Таня, — вдруг удержал меня Павел, — как же так... Мы должны еще встретиться. Хотите, завтра? Не можете. В понедельник тоже? Тогда опять в субботу. В восемь вечера. На том месте, где вы упали, рядом с телефоном-автоматом... Буду очень ждать...

Автобус тронулся. А Павел еще долго стоял на тротуаре и смотрел в нашу сторону. Я это хорошо видела.

Так мы и познакомились.

Я ехала домой и почему-то повторяла любимую поговорку тети Шуры, у которой жила: «Человек не знает, где найдет, а где потеряет».

Не знала и я, нашла ли сегодня что-нибудь.

В следующую субботу я не сказала ни тете Шуре, ни Ляльке, что иду на свидание. Мне не хотелось, чтобы об этом знал кто-то посторонний. Ведь это будет первое свидание в моей жизни.

Лялька — соседка тети Шуры. Мы с ней ровесницы. Вместе прошлым летом окончили среднюю школу. Она жила со своими родителями. У меня же, кроме тети Шуры, не было никого. Я тогда поступила на завод учиться на токаря, а Лялька устроилась на какие-то курсы и теперь работала в промтоварном магазине. Хотя нас и считали подругами, но я с Лялькой разговаривала не обо всем. О заводе она и слышать не хотела, а мне были неприятны ее рассказы о нейлоновых сорочках, шикарных платьях и сверхмодных прическах. И не потому, что я не люблю красивую одежду. Просто у нас в цехе, пожалуй, никто не вел разговор на эти темы.

Однажды Лялька попросила меня зайти к ней на работу. Обещалась показать что-то интересное. Я зашла в магазин после обеда. У прилавка, за которым

стояла Лялька, толкались какие-то молодые люди в костюмах ужасной расцветки, какие я видела раз только в цирке. А один длинный и тонкий парень с усиками в ниточку, чем-то похожий на деревянный метр, что держала в руках Лялька, подмигивал ей. Лялька же улыбалась, как дурочка.

Когда они ушли, из-за занавески вышел полный седой мужчина, должно быть заведующий, и сурово предупредил Ляльку:

— Не отвлекайтесь от работы.

— Так ведь покупатель, — оправдывалась она.

— С этими покупателями можете встречаться и разговаривать в кино или еще где вам угодно.

После этого Лялька обратилась ко мне:

— Видала? Мальчишки — на большой. Хочешь, познакомлю с одним.

— И это-то интересное, что хотела показать? — спросила я.

— Ну, не сердись. Конечно, не их. А есть, — она наклонилась ко мне, — импортные жакеты. Только у нас. Я для тебя оставила один.

— Напрасно.

— Что-о?.. Как хочешь. Пожалеешь, да будет поздно.

И вот могла ли я сказать Ляльке, что иду на свидание. Она начнет выпытывать, с кем, как одет, красивый ли, сколько зарабатывает и другое. Ответить на ее вопросы я не смогла бы, так как сама не знала, красив ли Павел, и не интересовалась, сколько он зарабатывает. Лялька б тогда обязательно сказала что-нибудь ехидное и разнесла по всему дому.

По правде сказать, я долго раздумывала, идти ли мне на свидание. Всю неделю. Потом решила, что ни-

чего дурного в этом нет. Тем более, что Павел мне немного понравился, а первое свидание у меня ведь когда-то должно произойти.

Но Ляльке об этом все же сказать пришлось. В восьмом часу она ворвалась ко мне в комнату и застала меня у зеркала.

— Ого, что я вижу, — закричала она. — Можно подумать, что Татьяна Сергеевна спешит на свидание.

— Почему бы и нет, — холодно ответила я, чтобы отвязаться от Ляльки.

— И это... правда?

— Такая же, что ты мне мешаешь.

— Ну, ну, желаю удачи, — съехидничала она. — Только не опаздывай. Ведь ты всюду опаздываешь.

Лялька была права. Как-то так случилось, что я в жизни, действительно, частенько опаздывала. Маленькой была, опаздывала на игры, в школе опаздывала на вечера, так как приходилось каждый день помогать больной маме по хозяйству. А однажды прибежала на вокзал тогда, когда поезд уже ушел в пионерский лагерь. Не могла же я в то утро уехать, не предупредив тетю Шуру, чтобы она присматривала за мамой и домом. И много еще других было опозданий в моей жизни.

Но в этот раз я не опоздала. Когда подошла к телефону-автомату, было без двадцати восемь. У будки толпилось человек пять-шесть, ожидая очереди позвонить.

Павла не было. Я встала в конец очереди, чтобы никто не подумал, что я пришла на свидание. И тут я увидела его. Павел был в будке и разгова-

ривал с кем-то по телефону. Я приблизилась к стеклу, чтобы он меня заметил, и от неожиданности даже остолбенела.

— Я же сказал, что рано прийти не могу, — кричал Павел кому-то на другом конце провода. — Что мне другие мужья!.. Сказал, занят. У нас и в субботу бывают совещания... Вовку уложи спать... Давай без хныканья, а то...

Я, как ужаленная, отскочила от стекла и тихо пошла по тротуару. Куда, не знаю сама. Чувствовала себя так, словно бы обруганная ни за что. Скоро меня он догнал. Я почему-то знала, что догонит.

— Танюша, добрый вечер, — сказала он так просто, будто бы и не было две минуты назад телефонного разговора. — Я вас давно и очень жду.

Я ничего не ответила.

— Что же вы сегодня такие мрачные? — продолжал он, пытаюсь взять меня под руку. — Потеряли что-нибудь, а? А у меня сегодня целый вечер свободный.

— Нет, я ничего не потеряла и... не нашла, — наконец, произнесла я и удивилась своему спокойствию. — А вы, — я в упор посмотрела на него, — гражданин, действительно что-то утеряли. А что, вспомните. Прощайте, я очень спешу... Да и вам пора... на совещание.

Сказав эти слова, я почему-то не сразу бросилась к подошедшему автобусу. Хорошо заметила, что лицо Павла стало одинакового цвета с его пальто и кепкой. Он сначала удивленно взглянул на меня, а потом опустил голову и что-то пробормотал в свое оправдание. Что, я не запомнила. Да это мне было совсем и не нужно.

...Дома, в коридоре, мне повстречалась Лялька.

— Как прошло твое первое свидание? — ехидно спросила она.

— Благополучно, — ответила я спокойно, вспомнив почему-то опять любимую поговорку тети Шуры. Да, я была спокойна, так как, действительно, ничего не нашла и ничего не потеряла.

СОДЕРЖАНИЕ

Анна-каменщица	3
Весной	14
Половодье	24
Наказание	38
Незабудки	47
В конце января	53
Трудный рейс	60
Встреча на пустыре	67
Людмила Сергеевна	74
Конец легенды	81
Без сожаления	85

Задумкин
Николай Николаевич

ПОЛОВОДЬЕ

Редактор *В. К. Пудожгорский.*
Технический редактор *С. И. Соколова.*
Художник *О. А. Бороздин.*
Корректор *А. В. Дзюбак.*

ГЕ02806

Подписано к печати 14. 7. 59 г.
Формат бумаги $70 \times 108^{1/32}$.
Бум. л. 1,5; печ. л. 4,14; уч.-изд. л. 3,65.
Заказ 4271. Тираж 7000.
Цена 1 р. 10 к.

Областная типография,
г. Вологда, ул. К. Маркса, 70.

*

НОВЫЕ КНИГИ ВОЛОГОДСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вышли в свет:

КУРАКИН П. Жизнь побеждает. Роман
495 стр. Цена 9 р. 25 к.

«Я прожил более полувека, был слесарем, потом комсомольским и партийным работником, хозяйственником», — пишет о себе автор. На большом материале, со знанием дела рассказывает П. Куракин о том, сколько невероятных трудностей и испытаний вынесло поколение, родившееся в начале века, первые комсомольцы, внесшие свой вклад в строительство нового мира.

ГАРНОВСКИЙ В. Белозерье. 358 стр. Цена 5 р.

В сборник включены рассказы о природе Белозерья, людях Севера, сказки и легенды о рыбаках и охотниках.

КРАСОВ В. Стихотворения. 176 стр. Цена 4 р. 20 к.

Сборник избранных стихотворений поэта-вологжанина, жившего в середине прошлого века. Творчество Красова высоко ценили Белинский, Добролюбов и Чернышевский.

УГЛОВСКИЙ Н. У нас на Севере. Повесть.
224 стр. Цена 4 р. 70 к.

Повесть из жизни современной колхозной деревни. Главный герой книги — председатель колхоза тридцатитысячник Бескуров.

РОМАНОВ А. Утренние дороги. Стихи. 88 стр. Цена 1 р. 25 к.

Сборник лирических стихотворений.

СОРОКИН В. С товарищами в ногу. Стихи. 64 стр. Цена 1 р.

В сборник включены стихотворения «В забытом блиндаже», «Торжество жизни», «Девчата нашего завода», «Дождинка» и другие.

Находятся в печати:

ГИЛЯРОВСКИЙ В. На жизненной дороге.

В книгу включены впервые публикуемые избранные произведения автора: «Козел и «Чайка», «Моя табакерка», «По следам Гоголя» и другие.

БОБРОВ Н. В сердце Руси Северной.

Очерки о людях и природе Кирилловского района, о выдающихся архитектурно-исторических и художественных памятниках — Кирилловском и Ферапонтовском монастырях.

ОЛЬХОН А. Сказки Севера.

Сказки для детей написаны по мотивам фольклора народов Севера.

ИВАНИЦКИЙ Н. Сказки, песни, пословицы и загадки.

В сборник включено около 1000 песен, 55 сказок, свыше 2000 пословиц, 250 загадок и другие материалы, записанные в Вологодском крае. Значительное количество текстов публикуется впервые.

Все названные книги можно приобрести в магазинах облкниготорга и в киосках Союзпечати, а также выписать наложенным платежом по почте.